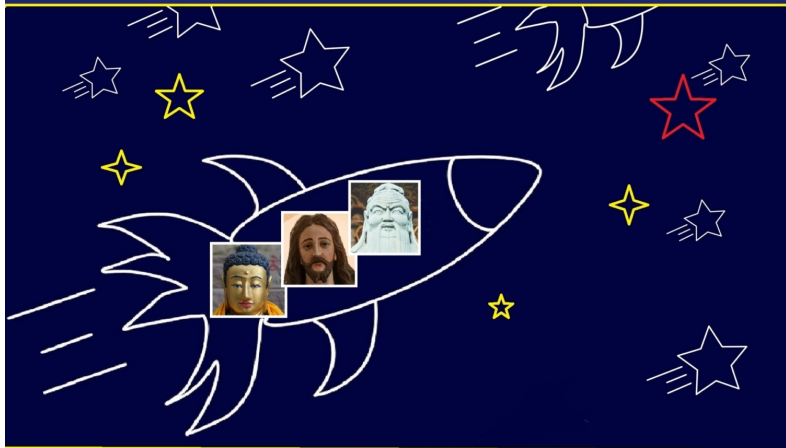

Олег Герт

Метапсихология социализма

роман-попытка отделить сон от реальности

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Герт

Метапсихология социализма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67766469

SelfPub; 2022

Аннотация

Бывший советский школьник, а ныне житель современной России Витя Алябьев с увлечением играет в компьютерную «стратегию», воспроизводящую процесс социалистического строительства в СССР. Однако внезапно он сталкивается с серьёзными трудностями, которые грозят ему поражением в игре. В попытке разобраться, что же у него пошло не так, Витя обнаруживает себя путешествующим по странному миру, а в чертах своих проводников с удивлением узнаёт родоначальников мировых религий: Будду, Лао-Цзы, Христа... Дальше – больше: чтобы получить ответы на свои вопросы, ему предстоит в образе Буратино побеседовать с черепахой Тортиллой, побыть ослом бродячего плута Ходжи Насреддина и даже стать фарфоровым чайником на столе, за которым белый медведь Пу и чёрная коза Сю ведут вечный спор о свете и тьме...

Как подтверждает наблюдающий за Витиным путешествием шаман Агер, у него всё будет хорошо. И у нас с вами, читатель, – тоже...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

От авторского коллектива	4
Предисловие	10
Глава 1. Конец прекрасной эпохи	26
Глава 2. Первый сон Виктора Павловича	43
Глава 3. <i>Creatura mundi</i>	48
Глава 4. Принц и нищий	64
Глава 5. Место, где тебя нет	88
Глава 6. Проводники	96
Глава 7. Под звук отсутствующего бубна	111
Глава 8. Дегустация уксуса	127
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Олег Герт

Метапсихология социализма

От авторского коллектива

«Декабристы разбудили Герцена.

Герцен развернул революционную агитацию».

(Владимир Ульянов-Ленин, «Памяти Герцена»)

«... – А когда они, наконец, разбудили Герцена...

– Как же! Разбудишь его, вашего Герцена! – рявкнул вдруг

кто-то с правой стороны.

Мы все вздрогнули и повернулись направо...

– Ему еще в Храпунове надо было выходить, этому Гер-

цену, а он все едет, собака!..»

(Венедикт Ерофеев, «Москва-Петушки»)

Работа над этой книгой была довольно трудна по двум причинам.

Во-первых, непросто описывать тропический оазис, сидя на льдине. То есть весьма сложно доносить до людей, выросших в идеологии последовательного расчеловечивания,

и подчинения любых начинаний идее личного материального успеха, как выглядит, снаружи и внутри человека, другая жизнь. Жизнь вне пирамиды.

Во-вторых, трудно говорить обычным голосом посреди орущей толпы. Осознавая, что с вероятностью в 99% твой голос не будет услышан. В мире, где миллиарды людей ежедневно и ежечасно пишут, причём, опять-таки, пишут в основном на тему личного успеха, материального благосостояния, и собственной исключительности, пишут в разных форматах, от постов с соцсетей, до развёрнутых монографий, – в таком мире сама по себе попытка написать нечто противоположное примерно соответствует идее поместить иголку в стог сена. Вернее, в стог иголок.

Ключевой в преодолении этих трудностей стала следующая мысль.

Мир меняют единицы.

Разговаривать с толпой – бессмысленно. Толпу нужно просто направлять: её невозможно сбить с пути, ей всё равно, куда идти...

Разговаривать надо – с одним.

Эта книга – для одного. Этот один, прочитав её и приняв, откажется от идеи собственного превосходства и богоизбранности, перестанет служить глобальному золотому телёнку, и начнёт строить свою жизнь по иным принципам.

А обращаться к миллионам – удел Будды, Христа, и им подобных. Чем они, собственно, уже много лет (к сожалению

нию, не всегда успешно), и занимаются. В том числе – на страницах этой книги.

Мы пойдём другим путём.

...Кажется, это уже кто-то когда-то говорил?

И кого-нибудь тоже, наверняка, разбудим. Хотя бы одного.

На чём, собственно, и посчитаем свою миссию выполненной.

В этой книге нет ни политических прений, ни исторических разоблачений.

В ней нет ни революции, ни индустриализации, ни коллективизации, а приватизация упоминается только мельком.

Аббревиатуры СССР, ГУЛАГ, ФРС США, ЦРУ и ФСБ в ней встречаются лишь для описания отдельных аспектов видимой реальности – тех, что наилучшим образом ассоциируются именно с этими буквами.

Сложный историко-психологический анализ фигур В.Ленина, И.Сталина, Н.Хрущёва, Л.Брежнева, А.Солженицына, М.Горбачёва, Б.Ельцина, и прочих так или иначе ассоциируемых с построением и разрушением социализма в России персон, в книгу также не вошёл.

Зато в книге много экономики и идеологии. Правда, с известными нюансами. Экономiku в ней обсуждает Буратино после неудавшегося рейда на Поле Чудес. За идеологию отвечает странствующий дервиш Ходжа Насреддин: причём отвечает он за неё своему ослу в понятных собеседнику тер-

минах (беседа с ослом – главный тест на профпригодность для всех идеологов). Ну, и тому подобное.

Ибо для целей настоящей книги и экономика, и даже идеология – суть инструменты вспомогательные. Главный инструмент (он же и главный духовный выбор) – мировоззрение. Выбор картины мира.

Ведь возвращаясь домой, вы при взгляде на окошко собственного дома задаёте себе только один, главный вопрос: есть там свет, или его нету?

Если он есть, вы не пытаетесь понять, что именно является источником света. Важно само наличие света в окне, будь то электрическая «лампочка Ильича», пламя свечи на ветру, Вечный огонь, или просто огонь в тесной печурке...

Равным образом, тьма в окне вашего дома не вызывает у вас вопроса о том, что же такое там *не* горит: результат ли это веерных отключений лампочек Ильича от РАО ЕЭС Борисовича, ликвидации Вечного огня в силу неуплаты за газ, или результат задувания огня в печурке бородатым лагерником Иваном Денисовичем.

Вам, повторяем, важен мета-вопрос: есть ли в окошке свет? Ждут ли меня?

Или мой дом встречает меня постылой темнотой одиночества?

Если обсуждать социализм именно так, метапсихологически, как мировоззренческий выбор, то все нюансы экономического, исторического, и даже идеологического характера

отпадают, и предметом рассмотрения остаётся лишь вопрос о свете и тьме.

Витя Алябьев, советский учащийся.

Эрегорд Харальд Агер, шаман.

Виктор Павлович, сновидец.

Олег Герт, писарь.

Никто, конечно, не рождается на свет с уже готовыми понятиями о праве и справедливости, но человеческая природа устроена так, что в известном возрасте эти истины естественным образом вырабатываются.

(Вольтер)

*...Вот – свершилось. Весь мир одичал, и окрест
Ни один не мерцает маяк.*

И тому, кто не понял вещания звезд,

Нестерпим окружающий мрак.

И у тех, кто не знал, что прошедшее есть,

Что грядущего ночь не пуста,

Затуманила сердце усталость и месть,

Отвращенье скривило уста...

Не стучись же напрасно у плотных дверей,

Тщетным стоном себя не томи:

Ты не встретишь участия у бедных зверей

*Называвшихся прежде людьми.
Ты железною маской лицо закрывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя железом до времени рай,
Недоступный безумным рабам.*
(Александр Блок)

«Вы, возможно, не в курсе – в русском языке "голубой" означает "гомосексуалист". Меня давно вопрос занимает, почему на всех штабных картах стрелочки всегда синие и красные.

Как будто главное содержание истории – борьба пидарасов с коммунистами.

Я думал, может, вы знаете?»
(Виктор Пелевин)

Предисловие

Эту рукопись я получила при странных обстоятельствах.

Сначала всё шло как обычно, и как было запланировано.

Накануне я созвонилась с автором, и мы договорились, что я приеду к нему на дачу в Малые Березники между десятью и одиннадцатью часами утра. С автором я работала не первый раз, он и сейчас предварительно уже присылал мне отдельные куски текста нового романа: я планировала в этот поезд забрать полный вариант рукописи и согласовать кое-аспекты будущего издания.

Скажете, есть «емеля», Скайп и всё такое? Ну, а что делать, если писатель – старовер и текст набивает на пишущей машинке? Да-да, на таком трофейном «Ундервуде», с жикающей кареткой и пафосными круглыми клавишами. И да, перевод напечатанных таким образом листов в электронный вид – это проблема редакции. Спасибо ещё, что не гусиным пером от руки пишет, Хэмингуэй хренов...

В общем, в десять я прыгнула в машинку, а примерно в половине одиннадцатого была возле ворот его дачи. Ещё вырубивая из соснового бора на опушку, я набрала на мобильнике его номер, но в ответ услышала «Абонент не отвечает или временно недоступен». Ничего, подумалось, сейчас абонент ответит за необходимость моего персонального приезда за тридцать километров от города: ответит хотя бы чашкой

хорошего чая...

Но не тут-то было.

Подъехав к воротам, я остановила машинку и осталась сидеть. Огромные окна на фасаде дачи должны были показать хозяину, что моё высочество подъехали, а вылезать и топтаться возле забора мне как-то не комильфо: выйдет, встретит. Посидев таким образом минут пять без ожидаемого результата, я, естественно, взбеленилась и, подчёркнуто обиженно кликнув пультом сигналки, всё же подошла к забору. Калитка, как я сразу заметила, была приоткрыта, так что я вошла и громко, нараспев, прокричала какое-то приветствие – типа, встречай гостей, хозяин! – топая по дорожке из гравия к дому.

Однако навстречу мне никто не вышел, и дверь в дом никто не открыл.

Я девушка деликатная, и степень моей наглости хоть и позволяет мне впереться без приглашения в чужой сад, но всё же недостаточно высока для проникновения без того в чужой дом. Поэтому, стоя на крыльце и разместив на лице гримаску «Раздражение лёгкой степени», я снова набрала номер и снова услышала про то, что абонент не абонент.

Потоптавшись на крыльце, я взялась за ручку входной двери, в тоже время рассеянно повернув голову в сторону сада, и тут произошли сразу два события: входная дверь, щёлкнув замком, отворилась, а в глубине сада мне показал себя похожий на теремок деревянный сортир с настежь распахну-

той дверью.

Две двери, таким образом, отворились передо мною одновременно. Ну разве не чудо?

Разумеется, воспитанная девушка без придури в башке вошла бы в дом, предварительно покашляв и громко известив хозяев о своём таки прибытии. Однако девушка-литературный редактор, в чьём сознании причудливо сочетаются элементы мистицизма с практическими надеждами на жизненный комфорт, а гормональные вихри так и не смогли окончательно вытеснить детские мысли о сказочных дверях в неизведанное, выбрала второй вариант. Да и в туалет уже хотелось, честно говоря.

Поэтому, аккуратно прикрыв входную дверь, я рысью пробежала по садовой дорожке к теремку и заперлась там. Ключевой подробностью этого визита стала следующая: всё время пребывания мне пришлось любоваться толстым томом книги Гюстава Лебона «Психология социализма», лежащем на удобной полочке рядом с рулоном туалетной бумаги.

Примерно треть листов из книги была выдрана, что вкупе с девственной нетронутостью рулона дало мне очевидные основания предположить, по какому именно назначению использовалась книга хозяином.

«Однако!», подумала я, дав себе слово выяснить у самого хозяина причину такой личной неприязни к вполне проходному социально-философскому труду. Прикольно же, или нет: так возненавидеть книгу, что исправно подтирать её

страницами задницу?

Впрочем, загадка разрешилась скоро, хотя, как вы увидите, и без непосредственного участия хозяина.

Войдя через пару минут в ту дверь, в которую мне, собственно, и было надо с самого начала, я наконец поняла, что что-то не так. То есть я осознала, что в доме никого нет, никто меня не встречает, не ожидает, и вообще, как говорится в известном куплете, то ли лыжи не едут, то ли я перепутала время встречи. Или его перепутал хозяин. Домик был небольшой, так что тишина, сквозившая изо всех углов, доносившаяся даже со второго этажа, ясно показывала, что встреча редактора с автором под угрозой срыва.

Покряхтев и покашляв для приличия (воспитанная девушка думает о приличиях в любой точке времени и пространства), я вышла на крыльцо и в очередной раз набрала телефонный номер. Окончательно убедившись в отсутствии хозяина и в эфире тоже, я состряпала на лице гримаску «Скептическое размышление» и стала перебирать варианты, оказавшиеся в моём распоряжении.

Первым и наиболее очевидным стал вариант обойти-таки внутренности дачи, чтобы убедиться в отсутствии где-нибудь за письменным столом застигнутого внезапным инфарктом писателя, или явных следов насилия и борьбы, или других причин трясущимися руками звонить в МЧС. Аккуратными шажками, почти на цыпочках, я прошла внутрь. На то, чтобы заглянуть во все четыре помещения дачи – две

комнаты внизу и две наверху – у меня ушло пару минут. После того, как я убедилась в отсутствии страшного, моя походка окрепла, и я вполне уверенно начала раскачиваться на каблуках в дверях писательского кабинета, констатируя наличие непонятного.

Итак, он договорился со мной о встрече, пригласил, но его самого дома нет, дверь при этом не заперта, на даче идеальный порядок... Но главное – вы, конечно, будете смеяться, но мне всё равно, смейтесь, – я не могла отделаться от странного ощущения, что тут вообще очень давно никого не было. Ну, знаете: когда человек только что был здесь и недавно вышел, или когда он тут был хотя бы вчера, что-то такое висит в воздухе, какое-то чувство обитаемости помещения, как если бы на время нашего кратковременного отсутствия вместо нас оставался тёплый душевный домовый, временно замещающий хозяина и одновременно заменяющий кота. А тут – остывшая такая тишина. На дачах, в отличие от квартир, это особенно чувствуется.

Я, как вы уже поняли, девушка творческая и с фантазией, к тому же блондинка, поэтому именно в этот момент мне в голову пришла совсем уж нехорошая мысль, частично ставящая под сомнение моё психическое здоровье, и я поспешно полезла в сумку. Да нет же: вот, во вчерашних вечерних звонках его фамилия и даже тайминг разговора, 02:17. Мы ни о чём таком долго не говорили, он просто назвал адрес и поинтересовался удобным для меня временем, а я сказала,

что найду по навигатору, и уточнила, во сколько приеду. С допустимой для блондинки погрешностью в полчаса-час.

Итак, я здорова, мне не показалось. Ура. А что же Хэмингуэй?..

Как я уже упомянула, всё это происходило в дверях писательского кабинета (почему кабинета? а что же это за помещение, где три стеллажа с книгами, а у окна письменный стол с пишущей машинкой? туалет? так в туалете я уже была), и только в этот момент я увидела на столе толстенную рукопись. Подойдя, я взяла в руки аккуратно сброшюрованную бумагу и прочла на титульном листе заглавие: «Метапсихология социализма».

Кажется, где-то я уже только что видела нечто похожее, нет?

Тут же рядом с «Ундервудом» на столе лежал ещё один лист, уже исполненный от руки. Просмотрев его, путём несложной девичьей дедукции я сделала вывод, что на сём листе писатель последовательно выводил и уничтожал возможное название своего эпохального труда. Первые семь-восемь строк были вымараны полностью, так что прочесть их не было никакой возможности.

Предпоследним значилось «Психология социализма».

Оно было вычеркнуто уже небрежно, и ниже него написано «Метапсихология социализма».

Вот так. «Вишнёвый сад». Нет, пожалуй, лучше назову «Большой вишнёвый сад».

Короче, я взяла рукопись. Редактор приехала за рукописью, редактор её забрала: всё, как договаривались с автором. Ну, а то, что автор лично не присутствовал при её передаче, и девушка получила рукопись не из его натруженных рук, а с его письменного стола, ведь договорённости не отменяет, верно?

Но было в этой комнате и ещё кое-что весьма интересное: то, что заставило меня серьёзно пересмотреть своё представление об авторе как об архаичном мастодонте, застрявшем в начале двадцатого века, который только и делает, что печатает рукописи на антикварной пишущей машинке и пользуется деревянным туалетом с выгребной ямой.

На небольшом диванчике в углу валялся открытый ноутбук: его я увидела, уже повернувшись к двери, чтобы выйти из кабинета. Ноутбук был дорожный, последней модели, какой-то там многоядерный: я такой видела только в интернете, и даже ещё не в продаже, а в наборе спойлерной информации производителя под лозунгом «coming soon»: типа, ждите, скоро выйдет.

Ноутбук был открыт, и на экране мерцала картинка.

Хозяин играл в какую-то сложную игру, нечто вроде экономической стратегии, с обалденной графикой, просто потрясающе реалистичной. На общем плане видны были заводы и общественные здания, сеть железных дорог, жилые микрорайоны, снующие там и сям жители, личный и общественный транспорт. Всё это выглядело, повторяю, не анима-

цией, а столь же натуральным – если не более натуральным – миром, чем наблюдаемый мною самой вокруг себя мир.

С той лишь разницей, что представленный на экране мир относился не к современности, а к прошлому, причём к нашему, российскому, хотя и не столь далёкому. Знаете, это как если бы вы смотрели документальный фильм о периоде сталинского социализма, но снятый с высоты птичьего полёта, и суперсовременной видеотехникой, которой не могло быть в тридцатые-сороковые годы прошлого века. Ошибиться было нельзя хотя бы уже потому, что на крышах жилых домов и заводских корпусов там и сям красовались огромные надписи вроде «Слава труду!», «Народ и партия едины» и «Наша цель – коммунизм!»: да и в целом представление о том, как выглядела родная страна без малого сто лет назад, у меня, как у образованного человека, разумеется, имелось. Вверху экрана, рядом с десятизначными цифрами экономической и социальной статистики, красовались серп и молот в обрамлении золотых снопов пшеницы: герб бывшего СССР.

Игра стояла на паузе, а в центре экрана висело всплывающее меню с текстом «Сохранить ваш мир перед выходом?» И двумя вариантами кнопочек: «сохранить» и «выйти без сохранения».

Я несколько секунд смотрела на экран, и мне вдруг стало нехорошо и страшно. По двум причинам.

Во-первых, в пустом и, как я уже сказала, словно бы остывшем доме, открытый и работающий, чуть слышно жуж-

жащий вентилятором, ноутбук выглядел совершенно явным диссонансом: словно бы хозяин только что выбежал на кухню за порцией кофе и сейчас вернётся.

Во-вторых, потрясающая реалистичность созданного на экране мира придавала этому тексту посередине совершенно сакральный смысл.

Я вдруг представила себе, как выхожу с утра из дома, открываю автомашинку, и вдруг, задрав голову, вижу высоко-высоко в небе, где у нас обычно солнце, всплывающее меню «Сохранить ваш мир перед выходом?» И двумя вариантами кнопочек: «сохранить» и «выйти без сохранения», на одну из которых вот-вот предстоит нажать огромному и неведомому мне творцу по ту сторону экрана. И все-все окружающие меня в этот момент люди, десятки и сотни, тоже подняли лица к небу и смотрят в напряжённом и тягостном ожидании: сохранит или нет? Или сотрёт к чёртовой матери?

Представили себя в такой ситуации: жителем вот такой симуляции, и с такой вот надписью на небе?

Ну, я же говорила: творческая девушка с фантазией. Но испытанная мною по совокупности двух этих факторов жуть подтолкнула меня к тому, чтобы покинуть дом как можно быстрее: и со второго этажа я, признаться, слетела пулей. По возможности аккуратно прикрыв дверь, я помахала пенсионеру, уставившемуся на меня с соседнего участка – типа, всё нормально, чел, я своя, – и поспешно запрыгнула в машинку.

Так рукопись оказалась у меня.

Я всё-таки не настолько кустарно знакома с психологией, чтобы предположить, что ненависть хозяина к «Психологии социализма» Лебона – это результат того, что француз украл у него название его будущей книги: причём украл задолго до рождения моего Хэмингуэя. Это были бы эмоции Остапа Бендера, который при свете ночника накропал «Я помню чудное мгновенье», а потом с раздражением узнал, что до него это уже написал А.Пушкин... Нет, тут, видимо, дело в самом содержании книги, в самом подходе Лебона к вопросу, дело в том ракурсе, под которым тот раскрыл тему.

Это, допустим, как если бы человек захотел написать «Пособие по утиной охоте», написал, озаглавил, потом выяснил, что книга с таким названием уже существует, но открыв её, прочёл триста страниц о недопустимости убийства птиц и о необходимости защиты дикой природы. Или некто написал книжку «Как порадовать друга на Рождество», а потом выяснилось, что он опоздал с названием: другой писатель уже написал такую, в которой гневно доказывает, что ваш друг – козёл, и никаких подарков вообще по жизни не заслуживает, не то что на Рождество...

Если что, я не такая умная. И я это всё поняла не тогда же, в писательском кабинете, а задним числом, погуглив про Лебона и эту его «Психологию». Вот типичная выдержка из аннотаций:

«Книга Гюстава Лебона «Психология социализма» в настоящее время может принести большую пользу в борьбе с

социализмом...»

Как вам? И ещё:

«Она выдержала во Франции в короткий промежуток времени пять изданий, переведена на несколько европейских языков и, нужно думать, успела оберечь многие умы от губельных социалистических увлечений...»

Вот я и говорю: книжка «Как порадовать друга на Рождество» сможет уберечь ваш ум от губельного намерения иметь что-либо общее с этим козлом, вашим другом... Прочтите «Пособие по утиной охоте» – и вы навсегда потеряете желание охотиться, да ещё вам стыдно станет, что вообще имели такое намерение... Могу понять моего Хэма с его дачным сортиром: прочтите «Психологию социализма» Лебона, чтобы навсегда потерять интерес и к социализму вообще, и к его психологии в частности.

Но совсем уж отказаться от своего намерения писатель не смог: добавил приставочку «мета», отмежевавшись от предшественника, а основной посыл названия сохранил. Я, признаться, сначала отнеслась к этому, как к детскому нежеланию отдать любимую игрушку, или как к тупому патриархальному самцовому упрямству, но прочитав рукопись, поняла, почему именно «метапсихология»: точнее и не скажешь. Будете читать – тоже поймёте.

Короче, самое интересное. Хозяин так и не объявился. Был писатель – нет писателя. Рукопись – вот она: завершена, свёрстана, всё как договаривались. А автора нету. А был

ли мальчик-то? Автора в студию! Как мне подсказали наши юристы, у нас в договоре с писателем стоит пункт, согласно которому получение любой новой рукописи в виде, пригодном для издания, и соответствующем требованиям издательства, даёт нам возможность эту рукопись издать: какой-то там акцепт оферты, я до конца не разобралась... В общем, первый раз в моей практике такое: книга есть, а автор как сквозь землю провалился. Впрочем, он и раньше странно-ват был. Не удивлюсь, если через год отзвонится и скажет «Верочка, золото, жду вас у себя на даче завтра: я всё закончил, приезжайте за рукописью!» Ага, щас. Спасибо, была уже: лучше вы к нам...

Впрочем, если вчитаться в то, что он пишет, становится ясно, что он и через год может не появиться. Вот что за люди эти писатели? Нет бы им в свой астрал только мысленно выходить: нет, так и норовят на объективном уровне исчезнуть. Только, понимаешь, девушек пугают...

с уважением,

Вера Гештальт-Закупорина,

ответственный редактор издательства «Новое измерение»

«При осмотре, в частности, установлено:

- двери и окна сохранны, следы взлома и незаконного проникновения в помещение отсутствуют. Входная дверь не за-

перта;

- в помещении визуально порядок, следов борьбы, кражи или иных правонарушений не обнаружено;
- на кухонной стене размещены декоративные картинки различного содержания. Среди них фотомонтаж (предположительно), изображающий президента РФ В. В.Путина и руководителя «Сбербанка» Г. О.Грефа обнажёнными по пояс, за совместным столом и с бокалами напитка в руках, перед раскрытыми ноутбуками, на фоне тропических пальм, внизу картинки надпись на иностранном языке «Annuit coeptis» (картинка изъята, прилагается).

На другом изображении, большего формата, – деревянное надводное плавательное средство в открытом море, по виду напоминающее библейский ковчег. На вершине плавсредства установлен красный флаг. Под изображением текст следующего содержания:

«Главкомандующему военно-морским флотом К.Дёницу.

Гроссадмирал! Настоящим уведомляю Вас, что несмотря на все усилия специальной отдельной группировки, в состав которой входили до 15-ти подводных лодок, в том числе класса XXI (Deutsche Werft), цель уничтожить не удалось. Ввиду значительного ухудшения погодных условий группировка вынуждена была покинуть район боевых действий под угрозой собственной безопасности.

Хайль Гитлер!

Капитан цур зее А.Ханнеман»
(картинка изъята, прилагается);

- в помещении второго этажа на столе антикварная пишущая машинка, в которую вставлен лист бумаги с напечатанным текстом «Привет, Верочка! Спасибо, что зашла. Будешь выходить – прикрой входную дверь».

- там же обнаружен ноутбук с запущенной компьютерной игрой (игра стоит на паузе);

- на садовом участке визуально порядок. В дальнем углу участка расположен дачный туалет, дверь которого открыта. В противоположном углу участка установлен дачный сарай, дверь которого закрыта.

Опрос соседей произведён, никаких свидетельств правонарушений не получено, хозяина дачи никто не видел давно, точную дату последней встречи назвать затрудняются».

Из рапорта участкового уполномоченного
Большеводненского РОВД
ст.л-та Титятина С. С.

Самое, как пропал? Никуда он не пропадал... Я его видел недавно! Хотя, погоди, давненько уже... Может, месяц, а может, побольше... Он мне рукой так помахал издали и крикнул «Привет, сосед!» Ну, и я ему помахал... Самое, ну как не он? Да точно он был!

Или не он?.. Да нет, он вроде...

Я его вообще редко вижу. Я-то сам на воздухе с утра до ночи: вот, по саду занимаюсь, плотничаю... А он всё в доме да в доме... Ну так, самое, он же писатель вроде: а раз писатель, то пишет, значит, дома, за столом...

Сейчас все писатели.

Вот и у меня племяшка говорит «Я писательница!» А чего, спрашиваю, написала? Три книги, говорит: «Как выйти замуж за миллионера», «Секрет женского успеха» и ещё чего-то такое...

Вон, самое, чего сейчас читают, значит...

А ты чего, спрашиваю, за миллионера вышла? От тебя же вроде этот алкаш ушёл? Как и тот, первый, который жениться не захотел и с ребёнком бросил? Да нет, смеётся, не вышла. А книжку, говорю, написала? А книжку, смеётся, написала.

А этот, сосед-то мой: он чего пишет, не знаете?..

Спать, видать, рано ложится: я как ни посмотрю вечером, у него всегда окна тёмные. Мы со старухой чаёвничаем допоздна... Самое, да как не живёт? А кто ж тут живёт-то? Кому же не знать, как не мне, соседу?! Живёт, конечно...

Да говорю же, редко вижу. Когда? Да говорю же, самое, вот месяца не прошло. Тут и блондинка какая-то от него давеча выходила, я видел. С бумагами в руках, такая ничего себе росомаха, на каблуках... Ручкой мне ещё так сделала: типа, я своя. На машине уехала. Раз баба из дома выходит –

значит, живёт, так или нет?..

Станислав Барсукевич, сосед.

Глава 1. Конец прекрасной эпохи

*Зоркость этой эпохи корнями влетается в те
Времена, неспособные в общей своей слепоте
Отличать выпавших из люлек от выпавших люлек.
Белоглазая чудь дальше смерти не хочет взглянуть.
Жалко, блюдец полно, только не с кем стола вертануть,
Чтоб спросить с тебя, Рюрик.
(Иосиф Бродский, «Конец прекрасной эпохи»)*

Когда наконец понимаешь, как именно всё устроено, для чего оно нужно, и как оно работает, остаются только две проблемы (ну, кроме проблемы отсутствия денег, но о ней мы поговорим отдельно).

Первая – это сдержать разочарование по поводу того, сколько же времени и сил ты угрохал совершенно не по назначению, и раздражение по поводу того, что именно и как продолжают делать окружающие тебя люди.

Но эта проблема локальная, и в целом эти эмоции хорошо поддаются контролю.

Вторая проблема более серьёзна.

Она состоит в том, что твоё понимание и осознание оказываются крайне неустойчивыми и постоянно норовят тебя покинуть: как если бы ты пытался удержать на бегу пригоршню воды. Вода выплёскивается, течёт сквозь пальцы, и через

короткое время ты теряешь её всю, и о ней уже напоминают только сырые ладони... Окружающая тебя реальность словно бы изо всех сил пытается убедить тебя, что это твоё «понимание» – на самом деле не приход в сознание, а ещё более глубокий морок, нежели тот, в котором ты до сих пор пребывал. Мир самым подлым образом вторит: тебе необходимо как можно быстрее вернуться в тот сон, от которого ты с такими потерями и трудом очухался, потому что именно и только внутри этого сна якобы происходит самое интересное, важное и значимое для человека...

Когда Вите было лет восемь или девять, он любил сидеть на подоконнике большой дедушкиной квартиры и смотреть за окно. Пятиэтажные строгие монолитные дома, называемые «сталинками», молодцевато выстроились вдоль зелёного городского проспекта, и к оконному стеклу одного из этих домов прижималась большеглазая мордочка, жадно впитывающая звуки и цвета всего, что происходило снаружи: грохот пробегающего трамвая, суету взлетающей стаи воробьёв, плети дождя, разбивающегося о тротуар, танцующие в замысловатом вальсе пушистые хлопья снега...

«Витька, иди погуляй!» – зывала с кухни бабушка, и он послушно одевался и шёл на улицу. Витино поведение в этом возрасте было поведением маленького даоса, смиренно следующего развитию Дао: сидеть так сидеть, гулять так гулять. Впрочем, и в дальнейшем оно поменялось не сильно...

На улице дрались коты, пролетали юные красавицы на

предмете Витиного вожделения, велосипеде «Орлёнок» (сами красавицы станут предметом вожделения несколько позже). Прямо во дворе располагалась вереница хозяйственных построек, частных сараев с погребками, и перед ними небольшой сквер: там-то он и располагался на синей скамейке с облупившейся краской. Прогулка, таким образом, на поверку оказывалась ничем иным, как сменой места наблюдения за миром: позиция наблюдателя за миром представлялась тогда, очевидно, Вите куда более выигрышной, чем позиция вовлечённого участника. Впрочем, в дальнейшем не сильно поменялось и это...

Витя смотрел на сверкающие всеми цветами радуги углы и перекладины детской площадки, на ревушие и кряхтящие венгерские «Икарусы», развозившие по домам усталых людей, на беззаботную толпу, колышущуюся у входа в кино, на спешивших домой хозяек с треугольными красно-синими пакетами молока в авоськах... Историк, вероятно, увидел бы во всём этом последние вздохи советского проекта: вздохи, в которых уже ясно прослеживался хрип смертельно больного, ещё пытающегося делать вид, что с ним всё в порядке. Но Витя видел просто качели, деревья и людей, кошек, облака и велосипеды.

«Витька, айда домой!» – окрикивал его возвращающийся с садового участка дед. И они шли домой.

Витя жил у деда с бабушкой, а родителей видел редко: поскольку так было всегда, у него не было ни малейшего по-

дозрения, что может быть по-другому. Отец работал, мать тоже, они были молоды и, по-видимому, сильно заняты: работой, жизнью, собой... Дед работал в саду, неустанно возводя и культивируя на своих шести сотках миниатюрный рай, а бабушка работала на кухне, откуда с утра до ночи доносился аппетитный запах, который неизменно оборачивался вкуснейшими обедами, полдниками и ужинами. Не работал, таким образом, только Витя, словно бы олицетворяя собой первое поколение стремительно надвигающегося мира, в котором работать уже будет необязательно, и в некотором смысле даже зазорно.

Как и все его сверстники, становясь старше, он всё больше погружался в сложный личный мир, главной сложностью которого, разумеется, была непрестанная внутренняя борьба с нарастающими половыми желаниями и внешняя борьба с прыщами. За этим увлекательным сражением обращать внимание на процессы в окружающем мире было, разумеется, некогда, так что юноши позднего СССР почти и не заметили момента, когда хрип в дыхании советского социализма прекратился: собственно, по причине остановки самого дыхания.

Появилось лишь ощущение некоей лихорадочной, и не всегда понятной по вектору движухи, которая сменила ранее свойственный миру размеренный ритм.

Выглядывающие с телеэкранов старшие товарищи начали произносить ранее неведомые слова «перестройка», «демо-

кратия» и «гласность», которые, на первый взгляд, не содержали в себе ничего дурного. Однако лица людей в толпе, которая несла транспаранты с этими словами, отчего-то выражали ярость вперемешку с испугом: что разительно контрастировало со счастливым и радостным выражением лиц тех же самых людей, когда они всего за несколько лет до этого несли транспаранты «Мир! Труд! Май!»

По понятным причинам, в попытке сформулировать собственную оценку происходящему Витя оглядывался на деда с бабушкой, пытаясь прочесть на их лицах намёк на то, как следует ко всему этому отнестись.

Бабушка, человек лёгкий, весёлый, компанейский, обожавший гостей и праздники, никаких видимых изменений в своём поведении не демонстрировала, за исключением одного: она почти перестала смотреть телевизор, что до этого было их с дедом общей ежевечерней привычкой. Разрубив таким образом единственный доступный канал общения с миром геополитики, она полностью сосредоточилась на собственных кулинарных фокусах, и её привычное «Витька, иди поешь!» раздавалось всё чаще: бабушка словно бы старалась накормить его впрок, как бы в предчувствии того, что спустя всего пару лет перестройки и демократии на полках продуктовых магазинов останется только мусор и пыль.

Дед, человек молчаливый, подтянутый внутренне и внешне, к сводкам из внешнего мира относился прямо противоположным образом: он прослушивал и просматривал всё. На

лице его при этом сохранялось выражение опытного игрока в покер, не желающего ни намёком показать сопернику собственную комбинацию, но явно догадывающегося о том, какие карты у соперника. И комбинация соперника ему, очевидно, энтузиазма не внушала: выключив поздно вечером телевизор, дед погружался в глубокую задумчивость, которая мало-помалу переросла в задумчивость повседневную...

Главным медийным персонажем того времени, и одновременно руководителем страны, стал забавный лысый человек с огромным родимым пятном на голове, который, неправильно расставляя ударения в словах, рассказывал об изменениях к лучшему и о сближении с Западом. Для Вити и его товарищей, к тому времени уже половозрелых и совершеннолетних, и занятых по этим причинам исключительно собой, все эти слова, как и сопутствующие им процессы, оставались странноватой игрой, которой по каким-то причинам увлеклись их родители. Проснувшись как-то летним утром после грандиозной студенческой пьянки на пляже турбазы, они с удивлением узнали из телевизора, что за три августовских дня, пока над ними властвовали Бахус и Эрос, в стране дважды поменялась власть: по воодушевлению диктора, многократно произнесшего странную аббревиатуру ГКЧП, можно было сделать вывод, что победа в итоге всё же осталась за правильными пацанами.

В этот же год умер СССР, бабушка и дед.

Говорят, что успех семейной пары – это жить долго и

счастливого, и даже умереть в один день. В в этом смысле Витькины дед с бабкой программу выполнили настолько точно, что даже непонятно было, радоваться за них, или предаться мистическому страху по поводу того, что даты смерти, выбитые на их памятниках, отличаются всего одним календарным днём.

После их ухода Советский Союз покряхтел ещё пару месяцев и тоже сгинул в небытие, уступив место странноватой государственной конструкции, которая, как немедленно сообщили по телевизору, вместо русских населена теперь россиянами. Никаких объективных предпосылок к его смерти не было, тем более, что Союз даже по возрасту был моложе и бабушки, и деда: просто три мужика как следует выпили на лесной даче, и потом, чёрт его знает под чью диктовку, составили и подписали бумажку о том, что СССР больше нет.

Самое удивительное, что ни в одной из трёх республик, которые эти трое представляли в качестве руководителей на упомянутом пленэре, ни в России, ни на Украине, ни в Белоруссии, при этом не нашлось достаточного количества других мужиков, способных поставить под сомнение принятое таким образом решение.

Лысый человек с родинкой тоже особо не возражал по поводу вытащенного у него из-под задницы руководящего кресла, вместе со страной, так что в России кресло перешло к одному из этих троих: высокому уральцу с внешностью и повадками директора строительного треста. Десять лет, в те-

чение которых директор будет постепенно спиваться на глазах всей страны, были ещё впереди, так что выглядел он браво и всячески старался вселить в окружающих уверенность в начале некоей новой и светлой эпохи.

Однако потом начали погибать люди.

Прожив почти двадцать лет в стране, где бытовое убийство было из ряда вон выходящим обстоятельством, по поводу которого вставала на уши вся окрестная милиция, Вита сотоварищи со всё нарастающей тревогой наблюдали, что репортажи о событиях внутри любимой Родины становятся почти неотличимы от сводок с театра военных действий. На фоне полномасштабных боёв с применением тяжёлой техники и массового захвата заложников в школах и театрах, уголовные убийства с целью отъёма квартиры или контроля над городским рынком уже начали даже выглядеть разновидностью нормы.

В жизни некогда большой и успешной страны появился и ещё один нюанс, который, как потом выяснилось, и был главной целью и результатом происходящих перемен.

Радостные румяные лица рабочих и колхозниц с плакатов тридцатых годов окончательно посыпались в стороны, как разрушенный картонный домик, и на передний план выдвинулся тяжёлый лоб золотого телёнка, увитый массивными рогами в виде процентов по кредитам. Поводя очами, телёнок внимательно оглядел обширные российские уголья, доставшиеся ему в качестве нового пастбища, и принялся же-

вать и глотать со всей невозмутимостью и последовательностью, свойственной представителям его племени.

Оглушённому и растерянному обитателю одной шестой части суши появившиеся откуда ни возьмись уполномоченные по рогам и копытам быстро разьяснили несколько вещей. Во-первых, ему теперь нужны деньги, во-вторых, ничего другого ему больше не нужно, и в-третьих, получение им денег более никак не связано с результатами его труда: достаточно своевременно проинвестировать в нужную финансовую пирамиду или просто истово демонстрировать максимальную лояльность золотому бычьему рылу, отныне хорошо заметному со всех уголков необъятной Родины.

По стране прокатилась вторая волна смертей, на этот раз финансовых: по странному стечению обстоятельств, необъяснимому для плохо подкованных экономически аборигенов, каждый политый их солёным потом камень, который они принесли в основание финансовой пирамиды, тут же становился чьей-то чужой собственностью. Столпившимся у подножия пирамиды бывшим трудящимся осталось только с тоской смотреть на вершину пирамиды, откуда сквозь облака снисходительно поглядывал на них чей-то незнакомый глаз...

Если в этот момент у неудачливых инвесторов и возникло ощущение, что они слишком задёшево продали Родину, то они, безусловно, ошибались: продажей их Родины в этот момент занимались совершенно другие люди. Вернувшись уже

без денег в бесплатно полученные от прежней Родины квартиры (те, у кого квартиры к этому моменту ещё остались), они включили там телевизор и с удивлением узнали, что все главные сырьевые и перерабатывающие ресурсы их бывшей страны теперь находятся в руках узкой группы лиц по предварительному сговору, на что даже имеются специальные бумаги с фиолетовыми печатями.

Окончательно осознав, что продажа Родины произошла без его участия, пригорюнившийся бывший советский человек надолго прилип к телевизору. А там бодрый веснушчатый джентльмен с соломенными волосами объяснял, что произведённая распродажа на самом деле была не экономической сделкой, а борьбой с коммунизмом, где каждый отданный за бесплатно завод был гвоздём в крышку гроба этого самого коммунизма. Чем именно был настолько плох коммунизм, чтобы его хоронить, да ещё забивать крышку его гроба заводами, фабриками и шахтами, рыжий джентльмен не пояснил, однако существенная часть телеаудитории с тех пор осталась в эмоциональном убеждении о необходимости вбить осиновый кол в место погребения самого оратора: что, впрочем, скорее всего не изменило бы принципиально ситуацию ни тогда, ни впоследствии.

Тем более, что реальное вколачивание гвоздей в крышку гроба производили совсем не экономисты с политиками, а музыкальная группа «Ла-Ла»: появившиеся откуда ни возьмись пятеро молодых смазливых красавцев, с подведёнными

тушью ресницами, во главе с музыкальным продюсером Гарри Али-Бабасовым. После того, как ребята открыли рот, из явившегося репертуара бывшему советскому человеку стало окончательно ясно, что он уже никогда не услышит ни «Нам ли стоять на месте? В своих дерзаниях всегда мы правы!», ни тем более «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз», ни даже хотя бы «Письма сам я на почту ношу, словно я роман с продолженьем пишу».

На всё происходящее Витя Алябьев и его ровесники смотрели одновременно с цинизмом, свойственным молодому успешному хищнику, и с непониманием, присущим молодому тупому травоядному. Воцарившийся в стране абсолютный бардак в течение нескольких лет сделал многих из них, включая самого Витю, довольно состоятельными людьми: они могли продемонстрировать все атрибуты успешного предпринимателя новой России, от набитой блядьми дорогой иномарки до расписной визитки, на которой значилось заклинание вроде «Региональный межотраслевой инвестиционно-консалтинговый фонд». Успев использовать щедрость «совка», раздававшего направо и налево бесплатное высшее образование вплоть до самой своей смерти, Витка даже запрыгнул на бюджетное место в престижный ВУЗ: правда, ещё не вполне понимая, что полученный им диплом в условиях новой Родины пригодится только для хранения в письменном столе.

Никаких объективных предпосылок к тому, чтобы стать

носителем социалистических взглядов, у Вити, таким образом, как бы не было.

Точнее, была одна. И она, признаться, носила не вполне материалистический характер...

Есть некая дрожащая в воздухе невидимая струна. Эта струна идёт неизвестно откуда и неизвестно куда, и не представляется возможным увидеть те колышки, на которых она закреплена. Но она издаёт звук: именно этот звук и порождает вокруг всех нас всё то, что мы принимаем за окружающий мир. Небо с облаками или без, деревья у воды, вспорхнувшая стая птиц, сами люди, наконец, – всё это результат дрожания этой туго натянутой струны, издающий не столько слышимый, сколько ощутимый – ощутимый каждой клеточкой тела – звук.

То, что весь наш мир порождается колебанием некоей невидимой струны, давно уже признано мистиками и философами, а с недавних пор стало очевидно и для учёных-физиков.

И с некоторого времени эта струна зазвучала на очень низкой ноте: Вите это стало понятно как человеку, восемь лет из-под палки посещавшему музыкальную школу. Как ему представлялось, это была даже не нота «до»: это был уже инфразвук, вроде того, что формируется в океанском воздухе перед показательным штормом и заставляет людей в необъяснимом для них ужасе прыгать с палубы за борт, превращая собственное судно в брошенный на волю волн «Ле-

тучий голландец».

Первыми тот факт, что натяжение этой вселенской струны падает, и она вместо чистой и высокой ноты начинает издавать похоронное дребезжание, ощущают люди с острым поэтическим и музыкальным чутьём: тогда-то и появляются строчки вроде «Нет, ребята, всё не так: всё не так, как надо!»...

Правда, объяснения того, что именно «не так», как именно «надо», и каким образом это «не так» исправить, сплошь и рядом оказываются, к сожалению, совершенно неверными.

Представьте себе человека, который вышел из ярко освещённого огнями посёлка и углубляется по тропинке в тёмный лес. Разумеется, по мере того, как он всё дальше отходит от света и всё глубже погружается во мрак, у него неизбежно появляется ощущение, что всё не так, как надо.

Однако, вместо того, чтобы развернуться и вернуться назад, что выглядит совершенно естественным решением психологически здорового человека, наш путник принимает прямо противоположное решение, свойственное лишь окончательно заблудившемуся в дебрях собственного бессознательного невротика. Он по каким-то причинам решает, что всё самое лучшее он оставил не в посёлке, а оно ждёт его впереди, надо только преодолеть тёмный лес, вследствие чего сломя голову бросается вперёд, в ночной бурелом.

Примерно это и произошло с советским человеком, который в один не вполне прекрасный день середины XX века, по

окончании одного не вполне удачного XX съезда, вышел на окраину своего посёлка, который он до этого в течение многих лет заботливо возводил, электрифицировал, обустроивал и защищал, осмотрелся, и осторожными шажками потопал в сторону окружающего со всех сторон тёмного леса, от похода в который его пятьдесят лет пыталась уберечь газета «Правда».

Отойдя примерно лет на двадцать, и начав вместо влияния культуры и цивилизации испытывать тревогу, человек повернулся к посёлку и прокричал ребятам, что всё не так, как надо. «Так возвращайся!», дружно ответили наиболее толковые односельчане, однако наименее толковая, но, как это обычно и бывает, более многочисленная часть, истолковала услышанное прямо противоположным образом: что «всё не так» не у того, кто одной ногой уже в лесу, а у них самих, спокойно стоящих посреди благоустроенной и безопасной улицы...

И они тоже потопали в лес.

Таким образом, как потом захлёб писали многочисленные либеральные аналитики, «россияне сделали свой выбор».

Страна, в течение полувека двигавшаяся в направлении социализма, имея в качестве путеводного маяка коммунизм, словно по команде «Кругом!» развернулась и потопала в противоположную сторону.

Остаётся открытым лишь один вопрос: а куда конкретно?

Что именно лежит в противоположном направлении от коммунизма? Ведь у этого тоже есть название? Должно же быть?..

И почему уже даже на полпути в эту новую сторону у людей начинает возникать чёткое ощущение, что «всё не так, как надо»? Сперва у самых чувствительных, отчего они постепенно спиваются или вообще ныряют в петлю, а затем и у всех остальных?..

Почему по мере движения в эту сторону звук невидимой струны, столь тягостный и пугающий, становится всё слышнее и отчётливее?

Для того, чтобы ощутить явную фальшь этой струны, в современном мире уже даже не надо быть поэтом или музыкантом.

И этот звук не даёт покоя.

Эта низкая и тяжёлая вибрация пронизывает всё вокруг, и окружающий мир, формируемый этим звуком, выглядит своеобразно: словно искусственная лубочная картинка, на которой наспех намалёваны дворцы, хрустальные мосты, и поистине бриллиантовые дорожные развязки, с третьими и четвертыми транспортными кольцами, а в проноссящихся по этим дорогам и мостам золотых каретах без труда угадываются очертания тыквы.

Звук этой струны, явно расстроенной, и давно не попадающей в одну ноту со вселенским камертоном, и есть то главное, что пробуждает желание хлопнуть посильнее в ладоши

и избавиться от этого назойливого морока, от этого гипнотического наваждения, мешающего оторвать взгляд от сияющей тусклым золотым блеском равнодушной рогатой морды, которая с методичностью автомата пережёвывает время и людей.

Да, о людях.

И люди в этом лубочном мире тоже нарисованы небрежно и искусственно: у одного нет рта, у другого глаз, у третьего ушей, у четвёртого рук, они одинаковы, карикатурны и неинтересны, они не смотрят друг другу в лицо, а если и смотрят, – то исключительно с подозрением или вызовом. Они, эти сказочные персонажи чужого рисунка, эти порождения цифрового кода в написанной кем-то другим программе, не могут не понимать, не могут не чувствовать всей иллюзорности и инородности для них того мира, в который они помещены чужой волей.

Но никакой собственной воли разрушить этот виртуальный мир и увидеть – или заново построить – мир настоящий у них отныне нет...

Или, всё же, есть?..

Почему гипнотический взгляд золотого телёнка медленно, но так верно расчеловечивает человека? Почему, попав под его влияние, человек вдруг теряет способность думать о чём-либо другом, кроме как о личном успехе и собственном процветании? Кроме как о неприкосновенности частной собственности и о свободе предпринимательской инициати-

вы? И ещё о свободе совести?..

Может быть, разгадка именно в этом?

В свободе совести?..

В свободе совести – от чего?.. От чего человек мечтает освободить свою совесть?.. От чего обещает освободить его совесть золотой телёнок?..

Или он обещает освободить человека от совести как таковой?.. Предоставить свободу *от совести*?..

«Я освобождаю тебя от древней химеры, именуемой совестью?..»

Но почему он говорит человеку те же слова, что обращал к своему народу и армии Адольф Гитлер в середине двадцатого века?..

Или всё наоборот: это фюрер Германии просто повторил то, что на протяжении многих веков внушает человеку завораживающий взгляд золотого телёнка?..

Что же такого видит человек в этом тяжёлом взгляде?

Кто или что, на самом деле, смотрит на него из-под этой золотой маски, лишая способности сопротивляться?..

Какое тысячелетнее зло?..

Глава 2. Первый сон Виктора Павловича

Это потому, что никто не «один», но «один из». Мы так одинаковы...

(Евгений Замятин, «Мы»)

– Учитель, в чём смысл жизни человека?

– В духовном восхождении.

– А что такое духовное восхождение?

– Духовное восхождение – это развитие своей способности к пониманию мира.

– А разве мы не понимаем мир, учитель? Любой человек понимает мир. Я вижу реку, и понимаю, что это – река. Я вижу небо и знаю, что это – небо. Встречаю другого человека, слушаю его, и понимаю. Разве этого недостаточно?

– Для человека – нет.

– Почему?

– Потому, что так понимает мир животное. Животное тоже видит реку, небо, траву, дерево, оно встречает другое животное и понимает его сигналы. Это – самый низкий уровень понимания. Это – уровень понимания животного.

– Что же тогда необходимо?..

– Сперва необходимо научиться понимать «Я». Животное

не понимает себя. У него вообще нет понятия «Я».

– Но ведь люди это тоже умеют. Любой человек имеет понятие «Я». Любой человек знает, что «Я» – есть.

– Тебе это только кажется.

– Почему?

– Потому, что у четырёх человек из пяти нет понимания того, что это «Я» хочет. У них нет понимания того, что это «Я» может. У них нет понимания того, чего это «Я» достойно. Что это «Я» может себе позволить. Чего это «Я» позволить себе не может.

Спроси человека, в чём цель и смысл его жизни. Четверо из пяти не ответят тебе.

Спроси человека, на что он способен, что он может сделать, а чего он совершенно сделать не может. Четверо из пяти не ответят тебе.

Спроси человека, чего он искренне хочет. Хочет по-настоящему, без чего он не мыслит своей жизни. Четверо из пяти не ответят тебе, или ответят пустыми, дежурными, затасканными, лживыми словами.

Да, все люди знают, что у них есть «Я».

Но только один из пяти понимает, что это «Я» может сделать, и чего оно хочет иметь.

– Это и есть духовное восхождение, учитель?

– Это первый шаг в духовном восхождении.

– А что дальше?

– Дальше человек становится способен понимать «Мы».

– Что это значит?

– Научившись понимать «Мы», человек отказывается от иллюзии личного счастья. Он осознаёт, что невозможно счастье для «Я», если несчастливы «Мы».

Он понимает, что нет богатства, если тебя окружает бедность.

Он понимает, что нет здоровья, если тебя окружают болезни и смерти.

Он понимает, что нет радости, если тебя окружают страдания.

– Это сложно?

– Да. Понимать радость другого, как свою. Понимать страдание другого, как своё. Принимать желания другого, как свои. На этой ступени «Я» становится иллюзией. Возникает «Мы».

– Это случается, учитель?

– Да. Один из двадцати способен чувствовать, как «Мы». Один из двадцати способен думать, как «Мы». Один из двадцати способен поступать, как «Мы».

– Это и есть духовное восхождение?

– Это вторая его ступень. Есть и третья.

– И в чём она?

– Человек становится способен понимать Мир.

– Что это значит, учитель?

– Человек способен понимать деревья. Человек способен понимать воду. Человек способен понимать небо. Человек

способен понимать землю.

Такой человек думает так, как думает Мир.

Он хочет того, что хочет Мир.

Он действует так, как действует Мир.

Такой человек неотделим от Мира...

– Такие люди есть, учитель?

– Есть. Один из ста...

<...>

– Бормотухин! Бормотухин, ты что, заснул?!

– Колян! Колян, Фома тебя спрашивает!..

– Ой... Простите, Анна Фоминишна...

– Бормотухин, ты что, спишь на уроке?!

– Нет, Анна Фоминишна...

– Ты вопрос слышал?

– Да. То есть нет, Анна Фоминишна...

– Отвечай. Можешь с места, к доске не надо выходить.

«Основные отличия социализма от капитализма». Ты готов отвечать?..

– Да, готов.

– Ну?..

– Капитализм является первой ступенью духовного развития, выводящей человека с уровня животного на уровень понимания своего «Я». Социализм является второй ступенью духовного развития, выводящей человека с уровня «Я» на уровень «Мы». Есть ещё и третья ступень...

– Бормотухин! Что ты городишь?! Какие ступени?! Ты до-

машнее задание делал?..

– Делал...

– Так отвечай! Капитализм и социализм – это экономические системы, которые страны используют для управления своими экономическими ресурсами и регулирования своих средств производства... Ну?

– Какие системы, Анна Фоминиша? Какие страны?! Я же говорю: когда человек переходит с уровня «Я» на уровень «Мы»...

– Колян, тише! Ой, Колян...

Глава 3. Creatura mundi

Игра обладает своей собственной сущностью, независимой от сознания тех, кто играет.

(Ханс Георг Гадамер)

Сказать, что ноутбук был навороченным, – значит, ничего не сказать. Если вы способны представить себе ноутбук, на котором можно полностью просимулировать наш мир, то, вероятно, это он и был.

Игра тоже потрясла своей реалистичностью: как человек, заставший ещё трёхсотые Пентиумы с установленными на них угловатыми игрушками «Тетрис», я был поражён как качеством графики, так и глубиной проработки всех игровых деталей. С самого начала пришлось, правда, долго и вдумчиво разбираться, как это всё работает. Но я разобрался. И у меня явно получалось, о чём я без ложной скромности и с удовольствием говорил самому себе.

В начале игра предложила мне два варианта: строить на пустой карте или начать на карте с уже имеющимися постройками и населением. Я выбрал второй вариант, как более жизненный: втыкать заводы, фабрики и благоустроенные городские дома посреди пустых полей я посчитал несколько вычурным, а вот перестраивать и обновлять ветхую деревенскую инфраструктуру оказалось самое то.

Собственно, крупных городов на игровой карте было всего два, и вся сравнительно благоустроенная жизнь сосредотачивалась в них. Прочая страна представляла собою убогие деревни разного размера. Игровой индикатор удовлетворённости населения в них прыгал на самых нижних отметках, особенно в части удовлетворённости едой, жильём, развлечениями и уровнем образования.

Почти сразу я обнаружил, что искусственный интеллект у игры на весьма высоком уровне. Стоило обвести мышкой группу людей и направить их на строительство или реконструкцию объекта, как в дальнейшем в эту сторону можно было уже не смотреть: люди сами начинали принимать вполне эффективные решения.

Туда, где стройка или другая работа подтормаживала, можно было отправить комиссаров. Поначалу я приближал картинку колёсиком мыши, и смотрел: фигурка в военной форме забиралась куда-нибудь на возвышение и, по-видимому, произносила зажигательную речь, после чего над головами собравшихся рабочих или крестьян появлялся фонтанчик из звёзд, и они с двойным усердием принимались за работу. Я до конца не вникал, как это работает, но срабатывало почти всегда, и после появления на объекте комиссара работа приходила в норму и даже ускорялась.

Одновременно приходилось следить и за развитием экономики, в том числе за строительством, и за уровнем довольства жителей. Кроме того, выпадающие подсказки с самого

начала дали понять, что соседние государства вполне могут устроить войну, и что уровень моего развития, как экономического, так и военного, пока что в несколько раз ниже, чем у них, а это в случае войны неизбежно приведёт к краху.

Заварив себе чаю покрепче, я залип перед ноутбуком на несколько часов.

Может, я интуитивно сумел быстро разобраться в довольно сложном интерфейсе, а может, мне просто везло, но факт остаётся фактом: строительство и развитие шло у меня семимильными шагами, о чём свидетельствовала, в частности, периодически вспыхивающая в углу менюшка «Поздравляем! Вы выполнили пятилетний план за четыре года!»

Поскольку на начало игры четыре пятых населения моей страны вообще не умели ни читать, ни писать, я пона тыкал там и сям начальных и средних школ, а как только уровень образованности жителей поднялся до приемлемого, стал возводить театры и дома культуры, вместо дешёвых цирков и кино, которых понастроил в качестве развлечений на первых порах.

Проблему с едой удалось решить развитием совхозов и колхозов. Пока я в массовом порядке не начал их строить, с продовольствием действительно творилась какая-то фигня, ибо в деревенских хозяйствах почти вся произведённая сельхозпродукция куда-то странным образом исчезала, не доезжая до городов. Сперва я даже подумал, что это какой-то баг в игре, но покрутив мышью и рассмотрев пару таких хо-

зьяйств повнимательнее, понял, что тамошние хозяева тупо хотят от меня денег за произведённое зерно, а без получения оных предпочитают, чтобы весь собранный урожай просто сгнил в амбарах.

Как оказалось, достаточно было, удерживая левую клавишу ctrl, кликнуть на все маленькие хозяйства, а потом выбрать в выпадающем меню строку «Объединить в колхоз». После этого, правда, в созданном колхозе или совхозе нужно было создать серьёзную автомеханическую базу, перебросить туда трактора и комбайны, но у меня к этому времени уже на полную работали заводы, так что проблем не возникло.

Опция строительства, в том числе строительства жилья, оказалась с некоторым подвохом: впрочем, как только я его уловил, дело пошло на лад.

А дело было вот в чём. Когда я выбирал в меню объект для постройки, будь то фабрика или жилой дом, игра каждый раз коварно спрашивала «Оплатить строительство деньгами?», и поначалу я послушно тыкал кнопку «Да». Однако спустя короткое время понял, что так прогорю за несколько лет. Деньги на строительство, судя по всему, появлялись что называется «из-за бугра», то есть из соседних стран, и каждое такое моё решение просто увеличивало долг перед этими странами: в углу экрана появлялась толстая карикатурная физиономия некоего банкира в блестящем цилиндре, который затягивался толстой сигарой, подмигивал мне, по-

сле чего на месте его лоснящейся рожи со звоном возникал стремительно вращающийся денежный счётчик.

Проблема решалась просто: чтобы её решить, мне пришлось, правда, вспомнить невесть откуда вычитанную фразу русского генерала Салтыкова, который как-то на предложение западных союзников прислать ему в армию денег ответил «Мои солдаты денег не едят!»

Сообразив, что дома и фабрики строятся не из денег, а из бетона, кирпича, досок, и железа, я быстро понастроил по всей карте лесопилок, железных шахт и комбинатов, бетонных и асфальтовых заводов, после чего моментально появилась возможность отказаться не только от кредитов и долгов, но и от денег вообще. В меню строительства, вместо предложения игры оплатить деньгами, я стал выбирать «Построить самостоятельно», вслед за чем на стройку просто стекались грузовики со стройматериалами и автобусы с рабочими, и дело двигалось. Спустя пару-тройку часов игры я вообще перестал заморачиваться, в какую денежную сумму обходится мне та или иная стройка, ибо необходимости это понимать уже не было.

Был в игре и идеологический аспект.

На первоначальной карте среди затхлых деревень там и сям возвышались храмы: в основном, православные церкви (кое-где католические), а также мечети и синагоги. Уровень идеологического довольства населения, эти заведения посещавшего, когда я начинал игру, был довольно высок. Игро-

вой индикатор «Вера населения» находился почти на предельной отметке: что, собственно, и объясняло, почему в стране с крайне низкой удовлетворённостью едой, жильём, образованием и медициной не происходит бунтов.

Взявшись за мышку, по мере своего строительства и развития я обнаружил две связанные с идеологией вещи.

Во-первых, периодически тут и там люди вдруг бросались эти храмы разрушать, сшибая с куполов кресты и полумесяцы. Так я впервые столкнулся с работой искусственного интеллекта игры, впервые осознал, что население способно предпринимать действия, которых я сам не инициировал, то есть, грубо говоря, люди могут действовать по своей воле, независимо от меня, творца этого мира. И только позднее я осознал, в какую масштабную и непреодолимую для меня проблему это вылилось...

Я долго ломал голову, пытаюсь понять логику ИИ. Уяснить причину ненависти людей к храмам как к генераторам веры было тем более важно, что по мере разрушения людьми храмов индикатор «довольства верой» начинал, разумеется, стремительно падать. Вытягивать общий показатель удовлетворённости людей у меня не получалось ни за счёт еды, ни за счёт жилья, ни за счёт здоровья, ни даже за счёт развлечений. Игра, похоже, при формировании общего уровня довольства населения учитывала «уровень веры» как главный: даже если бы я захотел построить на месте каждого снесённого народом храма по три кинотеатра и по пять пивных, си-

туация продолжала бы ухудшаться.

Единственное предположение, на которое я оказался способен, состояло в следующем.

По мере того, как я повышал качество жизни людей за счёт еды, жилья, здравоохранения, и главное, посредством их образования, они вдруг осознавали, в каком дерьме и нищете их удерживали до сих пор *исключительно за счёт религиозной веры*: и вся их ярость по этому поводу обращалась именно на те объекты, которые эту веру, так сказать, обслуживали и производили.

Осознав это, я одновременно понял и то, что совсем без веры играть не получится: то есть как людей ни корми, как их не развлекай и не образовывай, но без веры в высший промысел и в светлое будущее народ неизбежно деградирует, выйдет из образа человеческого, и взбунтуется.

Требовалась срочная альтернатива сносимым народом храмам.

В качестве таковой альтернативы в меню строительства я нашёл опцию «Построить партком» (то есть «партийный комитет»), а когда ещё и разобрался, как можно заменить фигурки священников на фигурки партийных комиссаров, а вместо священных писаний начал преподавать в школах кодексы строителя коммунизма, дело окончательно пошло на лад.

Собственно, преподаваемые тексты почти не пришлось переделывать, поскольку, как и писания, кодексы тоже гово-

рили о равенстве, братстве, всеобщем процветании, и воцарении рая на земле.

Комиссары же в качестве мотиваторов паствы оказались куда эффективнее священников, ибо призывали не к терпению и смирению в нищете и дерьме, а к всеобщему процветанию через созидательный труд.

Итоговым штрихом стало возведение мною по всей стране статуй и памятников, способных, в моём понимании, заменить в представлении людей тех идолов, которым они молились до этого, и призванных стать символами движения к успеху, более масштабному, чем личный успех...

Порадовавшись этому своему личному игровому успеху, я обнаружил и вторую связанную с идеологией трудность.

Игра предоставляла возможность кликнуть мышкой на любого гражданина страны и узнать всю его подноготную: имя, возраст, состав семьи, но главное, уровень его личной удовлетворённости по всем игровым показателям.

Довольно быстро я обнаружил, что в стремительно возводимом мною земном раю тут и там начинают появляться неверующие.

Вполне возможно, что неверующие в мой коммунизм были теми же самыми людьми, которые при старом режиме не верили в Бога: типа, такие принципиальные неверующие, уровень довольства которых нельзя поднять вообще ничем, кроме еды и развлечений.

Возможно, это были люди, которых устраивала вера в тер-

пение и смирение, а вот вера в успех созидательного человеческого труда не устраивала категорически.

Возможен был и третий вариант, о котором я тогда подумать внимательно не захотел. Как впоследствии выяснилось, не захотел зря...

Так или иначе, индикатор их индивидуальной веры находился на предельно низкой отметке, сколько бы они не съедали, и в какое бы жильё творец их не переселял. До поры до времени я решил не заморачиваться на них: общей картины они существенно не портили, а основные мои усилия были направлены в этот момент на стремительный рост экономики и обороноспособности...

И у меня, повторяю, получалось.

Однако спустя множество ночей перед экраном ноутбука, с покрасневшими от бессоницы глазами и пожелтевшими от постоянного чая и кофе губами, я начал понимать, что вдруг всё посыпалось.

Хотя совсем недавно мне удалось выиграть масштабную войну, о возможности которой периодически предупреждали всплывающие подсказки. Победа оказалась тяжёлой, ибо воевать пришлось почти со всеми соседями разом: правда, парочка из них всё же осталась нейтральной, и даже вступила в войну на моей стороне в тот момент, когда перевес перешёл к нему. В результате войны полстраны лежало в руинах, но темпы развития, набранные накануне нападения противника, позволили в короткое время вернуть всё, как было, и

даже лучше.

Однако момент, когда вроде бы неуязвимая снаружи – по крайней мере, неуязвимая для пушек и танков, – страна начала шататься изнутри, я, по-видимому, просмотрел...

Мне оставалось только тупо таращиться в экран ноутбука и бесцельно елозить мышкой с одной кнопки на другую: я не понимал, что происходит. Всё так же дымили трубы заводов, все так же сновали самолёты, поезда и автобусы, люди дружными толпами курсировали между домами, театрами и спортплощадками, но уровень довольства населения стремительно сыпался вниз, а вместе с ним и экономические показатели.

С какого-то момента я даже перестал понимать, зачем вообще люди ходят на работу: их перемещение из дома на завод или в колхоз никаких циферок на общем экономическом счётчике словно бы и не добавляло. В стране продолжали на всю катушку работать только нефтяные вышки, рудники и лесоповалы: это позволяло продавать сырьё соседям на большие суммы, так что за экономику я до поры до времени волновался не сильно.

А вот от ухудшающегося народного настроения меня, как творца, уже «бомбило», и прилично.

Еды хватало, и с избытком.

Жильё строилось бешеными темпами и раздавалось бесплатно.

Здравоохранение тоже было на высоте, а медицинские

услуги я сделал бесплатными для населения, как и образование.

Образование же и наука развивались так, что я первым среди соседей запустил ракету в космос, а потом запустил её туда же с человеком на борту.

Кстати, сам космос в интерфейсе игры отсутствовал, видимо, из-за возможных чрезмерных нагрузок на видеокарту, и это меня сильно разочаровало: всплывшей под фанфары менюшки «Поздравляем с победой в космической гонке!» мне показалось явно недостаточно, так что я в душе вознёс искреннее пожелание к разработчикам игры сие в дальнейшем учесть.

Но при всём этом показатель довольства населения продолжал падать.

Начав тыкать мышкой просто по головам людей, я довольно быстро выяснил: в моём земном раю уже выросла целая армия людей, этим раем недовольных.

Похоже, выросла она из тех самых персонажей, которые в начале игры демонстрировали нулевую веру во всё, но при этом хотя бы продолжали с удовольствием есть, оздоравливаться, учиться и развлекаться. Ну, и работать, конечно. Однако теперь я смотрел в их профайлы и не верил своим глазам: довольство едой – около нуля, довольство медициной – около нуля, довольство жильём – около нуля, ну и так далее по списку. Работать они тоже перестали.

Именно эти люди, похоже, и тянули стремительно вниз

всю общую статистику.

Попутно выявилось и ещё одно свойство игрового ИИ: недовольство оказалось заразным. Стоило нескольким таким персонажам собраться в одном месте, как уровень до-вольства всех прочих вокруг них тоже начинал падать по всем показателям, так что никакие комиссары уже не помо-гали.

Более того: среди этих самых комиссаров внезапно ока-залось едва ли не столько же недовольных всем происходя-щим, сколько и среди всего остального населения.

И вот наступил момент, когда творец осознал: так дальше продолжаться не может. Ещё чуть-чуть, и столь старательно воздвигнутый рай земной с грохотом провалится в тартара-ры, просто в силу необъяснимого для творца разлада, про-изошедшего в головах людей...

Кое-где они уже накинули петли на головы возведённым ими же самими статуям вождей и героев, и с диким востор-гом обрушили мемориалы на землю: точно так же, как в са-мом начале игры они обрушивали на эту же землю кресты с куполов храмов...

Я поставил игру на паузу, потёр утомлённые глаза, и уста-ло отвалился от экрана, тупо уставившись на качающиеся за окном костлявые ветки клёна... В белёсом небе пронеслась стая грачей, тёплый ветер чуть шевелил прозрачную занавеску.

Я думал, что делать. Затем, видимо, заснул.

И я увидел странный сон.

Я бродил посреди красивого яблоневого сада, в котором без труда опознал мифологический рай. По каким признакам, сказать не могу: каждый помнит по своему опыту, что во сне ты знаешь что-то просто потому, что ты это знаешь... Правда, выглядел этот рай всё же специфично: видимо, в силу того, что я десятки часов провёл за компьютерной игрой, на его изумрудных лужайках, а иногда и прямо на деревьях, тут и там были закреплены таблички с надписями вроде «Слава труду!», «Миру – мир!», и тому подобными. Особенно меня позабавила надпись «Планы и решения руководства – в жизнь!»: мне немедленно захотелось воочию увидеть руководство, чтобы тем самым раз и навсегда разрешить, хотя бы лично для себя, вопрос бытия Божия...

На этом стилистически однообразном фоне моё внимание внезапно привлекла надпись иного рода. На массивном стволе огромной развесистой яблони, стоящей посреди просторной поляны, я увидел тщательно закреплённую, видную издалека табличку, на которой крупными красными буквами было выведено:

«Срывать и есть яблоки с дерева запрещается!»

Я с интересом подошёл ближе. При моём приближении трава возле дерева зашевелилась, и навстречу мне поднялась крупная змеиная голова с направленными прямо на меня холодными янтарями глаз.

Я не боюсь змей: по крайней мере, во сне, если не счи-

тать естественного для любого крупного млекопитающего рефлекторного ощущения угрозы. Поэтому я спокойно остался на месте и присмотрелся повнимательнее. Змея оказалась огромной: нечто вроде питона, обвившего основание яблони в три оборота. Она была почти неподвижна: лишь слегка подрагивала шея, а глаза...

Я почувствовал, что не могу оторвать взгляда от этих глаз.

Я буквально ощутил, что какая-то неведомая сила словно бы пригвоздила меня к месту, обволокла, лишила способности двигаться. И сама яблоня, и буквы «Срывать и есть яблоки с дерева запрещается!», и даже туловище змеи словно бы слились в мерцающий фон, и всё моё внимание было поглощено этим тяжёлым, неподвижным жёлтым взглядом.

Я оказался во власти странного чувства, вроде того, что испытывает человек на американских горках. Словно бы засосало под ложечкой, отчаянно забилося сердце, кровь живее побежала по жилам, я почувствовал поистине животное возбуждение в преддверии неведомой пока опасности... Но одновременно – пришло чёткое, недвусмысленное понимание, что этот взгляд обещает мне все, о чём я мог мечтать, и даже больше: что с этими глазами связаны любые мои мечты, все мои устремления. Все мои планы, даже самые несбыточные, осуществимы. Все мои страхи – глупы и не обоснованы. Все царства мира будут у моих ног, и я обрету силу, которая не будет знать преград.

Дрожь пробежала у меня по спине: я физически ощутил,

что испытывает голодный волк, когда шерсть на его спине поднимается дыбом, когда в его ноздри ударяет запах свежепролитой оленьей крови... Я избран, я исключителен, я не просто сверхчеловек – я равен любым богам, которых когда-либо изобретала человеческая фантазия: нужно всего лишь делать то, что требуют от меня этот взгляд, просто следовать той воле, которая смотрит на меня сквозь эти выпуклые неподвижные безжизненные глаза...

Но что это?..

Чья воля управляет мною через этот взгляд? Сколько сотен и даже тысяч лет могло потребоваться ей, чтобы обрести такую силу, способную мгновенно парализовать чужую волю, способную так безоговорочно возбуждать и подчинять, обещать и увлекать?..

Эта мысль успела лишь мелькнуть в моей голове, когда пружинистое тело змеи, обвивавшее ствол, дёрнулось, словно в спазме, крона дерева шевельнулась, и прямо к моим ногам с глухим стуком упало огромное красное яблоко.

Змея продолжала смотреть на меня в упор, но из её чуть приоткрытой пасти теперь раздавалось тихое, на одной ноте, но очень странное шипение: как если бы сотня людей, собравшаяся в одном месте, лихорадочно и наперебой спорили, переговаривались и проклинали друг друга, – но только шёпотом, шёпотом...

Этот взгляд велел мне поднять яблоко. И я понял, что невзирая на весь тот животный ужас, который ожидает меня

сразу и навсегда, как только я его возьму, я всё же сделаю это: ибо я заплачу этим ужасом за невиданную мною доселе свободу... И я даже понял, за какую именно.

За свободу от химеры, называемой совестью.

Я вздрогнул, словно от удара током, и проснулся.

Глава 4. Принц и нищий

– Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

– А куда ты хочешь попасть? – ответил Кот.

– Мне все равно – сказала Алиса.

– Тогда все равно, куда и идти, – заметил Кот.

– Только бы попасть куда-нибудь, – пояснила Алиса.

– Куда-нибудь ты обязательно попадешь, – сказал Кот.

– Нужно только достаточно долго идти.

(Льюис Кэрролл, «Алиса в стране чудес»)

Когда Витя открыл глаза, над ним шелестела буйная зелёная листва. Низко склонившаяся прямо перед его лицом ветвь дерева напоминала гигантский полог над кроватью, однако жёсткая земля и впившийся в ребро древесный корень никак не создавали ощущение перины. Поморщившись, Витя повернулся, что стоило ему неприятной судороги во всём теле, и опёрся на локоть.

Всего в нескольких шагах от него на земле сидел со скрещенными ногами (в идеальном «лотосе», как Витя сразу отметил) смуглолицый человек в рясе. Он сидел боком к нему, однако сейчас, – по-видимому, когда Витя зашевелился и привстал, – он повернул голову и смотрел на него внимательными глазами.

Его возраст было трудно определить: подтянутое строй-

ное сухое тело, сложенные внизу живота изящные кисти рук с длинными, как у музыканта, пальцами, смуглая гладкая кожа лица говорили о молодости, однако его обращённый на Витю взгляд создавал явный диссонанс. Тёмные, почти чёрные глаза, большие и красивые, с длинными, словно у женщины, ресницами, были глазами даже не старика, а человека, словно бы прожившего сотню жизней.

Даже нет. Знаете, есть такой расхожий интернет-мем: «смотрит свирепо, но в то же время грустно и с недоумением». Вот это своеобразное сочетание во взгляде лёгкого раздражения труженика, которого оторвали от важного дела, с мудростью и вниманием всё повидавшего на своём веку старичка-психиатра, как бы готовящегося произнести «Ну-с, батенька, как ваше самочувствие сегодня?», заставили Витю заговорить первым.

– Простите, – начал Витя, – Кажется, я помешал вашей медитации?

Он слегка наклонил голову, но не произнёс ни слова, продолжая изучать Витю взглядом.

– Я, похоже, спал, – сказал Витя, – Не помню, как я здесь оказался. Вообще не припомню этого места, ни как сюда попал... Вы здесь давно? Я здесь давно?

Собеседник приподнял бровь, вследствие чего на его лбу обозначилась едва приметная морщина.

– Порвалась времени связующая нить? – сказал он наконец, – Как мне концы её соединить?

– Ну да, – подхватил Витя, – Всё как у Гамлета. Или как с похмелья: ничего не помню и мало что понимаю... Так я здесь давно?

– Давно.

– А вы давно? – спросил Витя, – Вы когда пришли, я уже здесь был?

Собеседник смотрел на Витю так, словно бы произносимые Витей слова – «давно», «здесь», «был» – были неким подобием детского лепета или бреда. Ни дать ни взять, ослик Иа, которого Пятачок натужно пытается поздравить с Днём рождения: Витя отметил, что откровенно кислое выражение его лица особенно ярко контрастировало с его явной и притягательной красотой и выразительностью.

– Где я? – спросил Витя.

На лице собеседника отразилась новая эмоция: уголки губ поднялись вверх, но ни одна другая мышца лица при этом не дрогнула, что всё вместе образовало саркастическую гримасу. Если это и должно было обозначать улыбку, то по-видимому, это был тот её максимум, на который он был способен.

– Нигде, – произнёс он, – Или везде. Как вам больше нравится.

– Знаете, – сказал Витя, подтягивая к животу затёкшую от долгого, по-видимому, лежания ногу, – Я тоже духовный искатель. В известном смысле. «Нигде, везде» – мне это всё знакомо... Вы точнее можете сказать, географически? Я где нахожусь?

Взгляд старичка-психиатра на лице собеседника уступил место взгляду главврача психиатрической больницы, который в завершение утреннего обхода вступает в отделение для тяжёлых больных, лишь изредка подающих признаки осознанности. Он сделал плавный и широкий жест рукою перед собой, как бы указывая на окружающий пейзаж (Витя мельком отметил его безупречную осанку и величавую царственность движений), а потом медленно опустил руку на бедро и снова посмотрел на Витю.

– Здесь.

– Понятно, – сказал Витя, – За пределы духовной философии пока не выходим? Пустота есть форма, а форма есть пустота? Окей. Вы, судя по всему, буддист?

Теперь собеседник смотрел уже как главный врач, вынужденный сообщить близким пациента, что надежды на излечение нет. Помолчав пару секунд, он ответил, причём в его голосе на этот раз сквозили совершенно явные нотки раздражения:

– Говорят, однажды Карла Маркса пригласили выступить с речью на кружке марксистов. Знаете, что он ответил? «Увольте, господа, я не марксист»...

Интересный буддист, подумал Витя, про Карла Маркса разговаривает.

И тут до Вити начало доходить, что именно могут, или должны, означать эти его слова. Настороженно взглянув на него, Витя сказал:

– Давайте хоть познакомимся. Меня Виктор зовут. А вас?

– *Моё имя?* – переспросил он с таким выражением, словно бы Витя попросил его перечислить имена и фамилии всех облаков, проплывавших над ними в бледно-голубом небе. Витя не ответил, но по выражению Витинового лица он словно бы уловил, что вопрос ему задан совершенно серьёзно (хотя что в таком вопросе могло быть не серьёзного, Витя не смог понять). Тогда он медленно прикрыл глаза, посидел так несколько секунд и, снова взглянув на Витю, – причём на этот раз в его глазах был восторг ребёнка, наконец понявшего решение арифметической задачи, или радость нашедшего очки старика, – произнёс:

– Когда-то давно меня называли Сиддхартха Гаутама.

Упс, подумал Витя, и сел.

Обычно слова «и сел» как результат крайнего изумления означают, что у вас подкосились ноги, и вы больше не в состоянии стоять. Однако, поскольку до этого Витя лежал, его переход в положение сидя означал резко возросший тонус. Он был поражён: хотя, собственно, после предыдущей сентенции собеседника о Марксе и марксистах ничего, кроме этого, и ожидать было сложно.

– Я знаю, кто это, – сказал Витя, – То есть вы хотите сказать, что я разговариваю с Буддой?

Собеседник снова улыбнулся, если специфичное сочетание сарказма и скепсиса на его лице можно было так назвать. Чуть помолчав, он протянул руку (Витя снова произволь-

но отметил величавую плавность его движений) и указывая куда-то в область Витинового сердца, произнёс:

– Здесь Будда.

Затем он так же грациозно положил пальцы себе на грудь и сказал:

– Здесь Будда.

Описав рукой перед собою широкую и плавную дугу, он на мгновение задержал кисть в воздухе, глядя на расстилающийся пейзаж, как художник, любующийся особенно удавшимся ему мазком на полотне, и в третий раз произнёс:

– И здесь Будда.

Витя смотрел на него, а он на Витю. Вите пришло в голову, что выглядят они в этот момент, вероятно, как две впервые встретившиеся по одну сторону забора собаки, или как главы марсианской и земной цивилизации, шагнувшие навстречу друг другу после долгих предварительных согласований. Затем Витя подогнул ноги под себя и тоже уселся напротив него в корявом полулотосе, на который только и были способны его нетренированные колени. Подспудно Витя отметил, что ведёт себя согласно всем законам психологии: коль скоро собеседник идентифицирован, необходимо демонстрировать похожесть на него для достижения максимального раппорта.

Собеседник молчал, и на его лице на этот раз было некое подобие милостивого выражения. Ну да, подумал Витя, он же типа принц. Наследник царского престола. Кстати, весьма

похоже, если учесть его манеры, осанку и жестикуляцию. Да нет, не может быть: какой, к чёрту, Будда?

– А что значит «Меня называли»? – спросил Витя, – Больше не называют? И давно вас так называли?

– Если говорить в понятных вам категориях – то «очень давно», – ответил тот, – Много лет назад. Или много жизней назад. Это важно? Будда? Сиддхартха? Вам мало того, что вы видите прямо перед собой? Вам обязательно это как-то назвать?

Он повернулся и снова сделал широкий жест рукой, словно обнимая расстилавшийся перед собою пейзаж.

– Если вы смотрите, – сказал он, – То вы видите. Зачем называть?

– Ну ладно, окей, – сказал Витя, чувствуя, что роль старичка-психиатра переходит уже к нему, – Но общаться-то как-то надо, правда? Вот ко мне вы можете обращаться «Витя». А я к вам?..

– Ну, обращайтесь «Сид», – сказал он, причём его ширина его саркастической ухмылки на этот раз, очевидно, должна была уже продемонстрировать крайнюю степень веселья, – Вы, американцы, ведь любите сокращённые имена?

– Почему американцы? – спросил Витя, – Я русский, вообще-то.

– Русский? – переспросил он, – Хм. Последнее время сюда почему-то американцы больше заходят... Вы просто сказали «окей», я и подумал...

– Куда «сюда»? – энергично и чуть раздражённо переспросил Витя, – Куда они заходят? Я где вообще?

– Много американцев, – продолжал собеседник, словно бы не слыша, – Разная публика. Как-то один актёр известный зашёл. Ричард, если не ошибаюсь: хотя я, в отличие от вас, не придаю такого значения именам... Он, помню, проникся. Ушёл с ощущением собственного понимания. С тех пор у нас тут ещё больше американцев стало: пример успешно-го человека для этой культуры важен, насколько я понял... Сами они говорят – у них в Америке «кризис духовности». Поэтому и приходят... А вы, значит, – русский? Из России? А у вас там как с духовностью? Тоже кризис?

– У нас везде кризис, – сказал Витя, – Где Америка, там и кризис. А Америка сейчас везде, включая Россию. Поэтому везде и кризис. И финансовый, и духовный...

– Вы шутите, полагаю, – сказал он, снова глядя на Витю как ослик Иа, на этот раз пытающийся понять, как реагировать на пустой горшок в качестве подарка ко дню рождения, – Насколько я могу судить, Америка и Россия – это две страны на двух разных континентах. Как может Америка влиять на кризис в России?

– Это долго объяснять, – сказал Витя, – Ну, в общем, если коротко, и в понятных вам терминах, то через ум.

Собеседник, представившийся Сидом, милостиво кивнул.

– Наш ум – источник страдания, – произнёс он с таким удовольствием, словно бы говорил об источнике крайнего

наслаждения, – Страдания обусловлены умом. А кризис – это преодоление страдания, его преобразование. Страдание может быть преодолено. Есть путь преодоления страдания – он начинается со спокойствия ума. Но когда приходит духовный кризис – это первый сигнал к освобождению. Америка дала России сигнал к освобождению?..

– Ну, мы сами так раньше думали, – сказал Витя, – То есть, не все, но многие. Те, кто думал, что в тюрьме живёт, или в клетке, те решили, что по отмашке из Америки они на свободу вышли. А потом поняли, что остались в той же самой тюрьме, только раньше им баланду бесплатно выдавали, а теперь за неё надо платить и вкалывать ради неё по шестнадцать часов в сутки. А те, кто и не ощущал себя раньше ни в какой тюрьме – тем вообще худо стало...

Сид снова благостно кивнул.

– Тюрьма вокруг нас построена нами, – сказал он, – Нигде за пределами нашего ума её стен не существует. Если ты чувствуешь, что живёшь в тюрьме, подумай: а зачем ты выстроил её вокруг себя? Ты думаешь, что тебя заперли? Посадили в тюрьму? А может, это ты сам заперся от всех остальных? Заперся потому, что ты можешь чувствовать себя на свободе, только выстроив вокруг себя четыре тюремные стены, отделяющие тебя от мира?

– Ну да, – сказал Витя, – В России сначала многие так и думали. Сразу после революции семнадцатого года... Почти все. Что надо разрушить эту умственную тюрьму, выйти на

свободу и обнять того, кого встретишь за умственной стеной. Увидеть в нём такого же человека, как ты сам. Товарища и брата. Лет пятьдесят так и жили. И такую страну отгрохали, что соседи обзавидовались...

– Стены, – задумчиво произнёс собеседник, – Разрушить стену, отделяющую тебя от другого... Увидеть Будду в другом так же, как и в себе... Когда я вышел из отцовского дворца, будучи совсем юным, я увидел и понял, что от мира страдания меня отделяли не стены дворца. От него меня отделяли стены, выстроенные мною самим, моим умом. И разрушить эти стены мне оказалось куда сложнее, чем выйти за пределы каменных стен... Но живущий так целый народ поистине достиг высокой степени пробуждения... Это вы в России так жили?

– Было дело, – сказал Витя.

– А потом?..

– Ну, потом нам сказали, что каждый россиянин достоин отдельной четырёхстенной камеры под выгодный процент по ипотеке. И что наличие этой камеры позволит нам поднять самооценку, сделает нас людьми, и поставит на одну ступень со всем цивилизованным миром.

– Кто сказал?

– Америка.

– Ну, а вы?

Витя вздохнул и ничего не ответил. Несколько секунд оба молчали.

– В вашем рассказе Америка предстаёт весьма своеобразно, – заметил новый знакомый после паузы, – Если я вас верно понимаю, то идея в России состоит в том, чтобы быть *не хуже другого*. И что этот другой – он не хуже тебя. Что он такой же, как и ты, а значит, вы оба равно имеете право на достойную жизнь. И право на жизнь вообще...

– Ну да, – сказал Витя.

– А идея Америки, по вашим словам, состоит в том, чтобы быть *лучше другого*. И что этот другой должен стать *хуже тебя*. И что чем больше других станут хуже тебя, тем более достойную жизнь ты сможешь себе обеспечить. Даже если ради этого тебе придётся отказать другому в его праве на достойную жизнь: или на жизнь вообще...

– «В яблочко», – кивнул Витя.

Сид погрузился в продолжительную тяжёлую задумчивость. Витя терпеливо ждал, подвернув под себя ногу.

Наконец Сид поднял на него глаза.

– Но ведь эта идея – она гибельна, – произнёс он, – Представьте себе, что каждый человек начал рассматривать окружающих не как своих товарищей в совместном построении общей жизни, а как своих непосредственных конкурентов за построение частной?.. В такой конкуренции всегда будет побеждать тот, у кого меньше внутренних ограничений. Тот, кто в наибольшей степени зверь, животное... Вы знаете притчу о трёх крысах?..

– Нет, – ответил Витя.

Сид неторопливо провёл рукою по длинным чёрным волосам.

– Когда три крысы встречаются в борьбе за корм, – сказал он, – То самая жестокая крыса убивает одну и подчиняет другую. Затем эта крыса идёт дальше, и встречает на своём пути двух других: каждая из которых, в свою очередь, перед этим тоже убила одного конкурента и подчинила другого... Теперь уже из этих трёх крыс одна погибает, другая подчиняется, а победившая идёт дальше. Когда она...

– Я понял, – сказал Витя, – Можете не продолжать. Одна тридцать вторая финала, одна шестнадцатая финала, одна восьмая финала... Только какая же это притча? Это научный эксперимент. И не с тремя крысами, а с шестью... А так он весьма известен, его зоопсихологи много раз ставили. И да, результат неизменен: слабейших убивают, остальных подчиняют, победитель идёт дальше...

– Эксперимент? Зоопсихологи? Наука? – переспросил собеседник, – Хм... Вполне возможно. Знаете, ваша наука сейчас практическим путём постепенно доходит до всего того, до чего мы дошли в своё время путём медитации и умственного созерцания... Скажем, до постижения принципов устройства мира...

– Я знаю, – сказал Витя, – У нас Далай-лама, верховный жрец всех буддистов, как-то сказал: если, мол, современная наука, включая квантовую физику, опровергнет хотя бы один догмат буддизма, то мы пересмотрим этот догмат буд-

дизма. Однако, говорит, пока что все новейшие научные открытия лишь подтверждают нашу правоту...

Сид милостиво кивнул.

– Да, – сказал он, – Что же, значит, и до той идеи, что крысиная конкуренция приводит к гибели трети личного состава, деградации другой трети, и к выходу только оставшейся трети в следующий круг соревнования, вы уже дошли. Пусть и не путём умосозерцания, как мы, а путём, так сказать, эксперимента... И что с каждым следующим кругом этого соревнования количество погибших и деградировавших всё возрастает, а количество выживших всё сокращается. И с определённого момента начинает меняться, так сказать, по экспоненте: минимум выживших, максимум погибших и деградировавших...

Витя почесал голову и хмыкнул.

– Я вам больше скажу, – ответил он, – Мы этот эксперимент давно уже не на крысах ставим. А на людях. На самих себе.

– Вот как?

– Да. Только на людях всё чуть сложнее.

– Что именно?..

– Ну... Короче, когда побеждаемые американские крысы во внутриамериканской конкуренции уже начали физически заканчиваться, побеждающие осознали, что дальнейший расходный материал нужно получать извне. Например, в России... А у нас на тот момент, когда они это осознали,

жили двести пятьдесят миллионов...

– Крыс?

– Нет. Людей. В основном... Хотя и крысы попадались, конечно... Но мало: их в целом давили сразу, как только выявляли.

Сид внимательно слушал Витю, слегка вытянув шею.

– Ну, и?..

– Ну, и тогда они этот же лохотрон запустили и в России: «Кто хочет стать самой крысиной крысой?» То есть то же самое, за что у нас крыс давили, вдруг было объявлено главным механизмом личного успеха и критерием победы в условиях свободного рынка...

– И каков результат?

– Результат?.. Квалификационную стадию мы в девяностые годы быстро проскочили: одна сто двадцать восьмая финала, одна шестьдесят четвёртая финала... Потери личного состава убитыми – как во время Второй мировой войны. Количество раненых, в том числе душевно, и деградировавших, в том числе морально, вообще никто не подсчитывал. А сейчас соревнование у нас в самом разгаре: где-то, наверное, уже к полуфиналу подходим... Сейчас примерно пять процентов крыс владеют девятыюстами процентов всего корма: что в Америке, что в России, что в целом по миру... Видимо, и до финала уже недалеко.

Сид хмыкнул.

– Но ведь вы осознаёте, что финал этого соревнования мо-

жет быть только один? – внушительно, с расстановкой спросил он, – Что такое общество по сути своей заточено на самоуничтожение? И что, рано или поздно, это произойдёт?..

– Видимо, нет, – ответил Витя, – Хотя бес его знает... Может, и осознаём. Я вот только сейчас об этом подумал... Может, мы и впрямь поверили, что мы – крысы, а не люди? А крысам, так сказать, туда и дорога: тем более тем, которые выиграли соревнование на самую крысячью крысиность... Я только одного не пойму: это как же нужно себя ненавидеть, чтобы организовать свою собственную жизнь по тем же правилам, по которым живут голодные крысы?.. Чтобы целенаправленно создать самим себе крысиные бега, в которых ты просто отсрочиваешь собственную гибель чужими смертями?.. Это что – мазохизм такой специфический?..

– У меня был один ученик, – задумчиво сказал Сид, – Я подметил в нём странную черту. Он не понимал природы страдания: но это обычное дело, поначалу её никто не понимает. Он не видел пути избавления от страдания: но это нормально, поначалу его никто не видит. Но большинство из нас всё же понимает, ощущает, осознаёт сам факт того, что страдание – это боль. Страдание – это разрушение. Это болезнь. Смертельная болезнь... А что делает человек, понимающий, что смертельно болен? Он старается не заразить своей болезнью окружающих, так?

– Так, – сказал Витя.

– Кроме того, он не хочет, чтобы другие видели его бо-

лезнь, его страдание, – продолжал собеседник, – И поэтому страдание естественным образом загоняет в одиночество. Ослабевшее животное забивается под камень, под ствол поваленного дерева, надеясь снова обрести силы, излечиться... И здесь оно излечивается – либо погибает. Желаящий преодолеть страдание обращается внутрь. И там побеждает страдание.

– А что ученик? – спросил Витя.

– А он, наоборот, нёс своё страдание наружу. Подобно бешеной собаке, которая, смертельно заболев, бежит в слепой жажде покусать как можно больше встреченных ею, пытаюсь заразить своей болью, своим страданием других, словно стремясь не остаться в одиночестве в своей страшной болезни, перед лицом неминуемой гибели... Кажется, что для бешеной собаки важно утащить за собою, в свою болезнь и в свою скорую смерть как можно больше здоровых...

Собеседник взглянул на Витю.

– Он не мог медитировать, – сказал он, – Он не мог нормально общаться с другими. Он даже не всегда мог есть и спать. Он изливал своё страдание вовне так неудержимо, распространял вокруг себя свою боль так яростно... Он не хотел избавления от страдания, ибо не верил в него для себя. Поэтому он хотел заставить страдать и других. Хотел лишить и их веры в избавление...

– Это вы про Америку? – спросил Витя, – Ну да, похоже... И чем всё закончилось, с вашим учеником?

Теперь вздохнул уже Сид.

– Помочь тому, кто тонет, можно, протянув ему руку, – сказал он, – Но только при двух условиях. Во-первых, он должен протянуть тебе свою. Того, кто сам не протягивает тебе своей руки в надежде спастись, спасти нельзя. Нельзя вытащить его за ворот. Или за волосы.

– А второе условие?

– Второе – он должен тянуть руку в надежде, что ты вытащишь его. А не в расчёте на то, что он утащит тебя за собой... А такое тоже случается, увы...

– Понятно, – сказал Витя, – Короче, ты... вы его выгнали?

Сид снова изобразил свою специфическую гримасу, выражающую неизмеримое сожаление о несовершенстве окружающего мира.

– Я никого не выгоняю, – сказал он, – Равно как и не приглашаю никого. Я просто протягиваю в ответ руку тому, кто имеет надежду спастись.

– Ну да, – кивнул Витя, – А мы вот не разобрали, чего это американцы нам руку тянут... Умные думали – они нам, советским, завидуют, сами спастись хотят. Дураки думали – они нас, дураков, хотят спасти, средствами демократии и свободного рынка. А вот что они просто нас за собой хотят утащить – это вообще мало кому в голову пришло... Так и тонем теперь в одном болоте с Америкой.

– Страны и народы не могут быть разносчиками страдания, – произнёс собеседник, – Разносчики страдания всегда

только люди. Бешеные собаки страдания не имеют флагов и... как это у вас там?.. паспортов. Это не национальная черта. Это человеческая черта.

– Это я понимаю, – вздохнул Витя, – Я же тебе... я же вам, так сказать, картину среднестатистического российского ума озвучиваю. Да и американского. А в ней такие категории: Россия, Америка... Кто-то считает, что всё зло от американцев, а добро – от русских. Кто-то – наоборот. Многие даже верят, что есть какие-то там государства, что есть правительства, президенты, которые якобы всем управляют. И, мол, если президент и правительство хорошие – то и страна хорошо живёт, население, граждане. Если плохие – то и страна, и граждане живут плохо...

Сид с явным недоумением на лице помолчал, словно бы вникая в смысл Витиных слов. Потом повернулся к стволу огромного дерева, под которым оба сидели (к этому моменту Витя так и не смог установить породу этого дерева, но мощь и причудливые изгибы его ствола вызывали толкиеновские ассоциации с Лориэном и обитающими в нём энтами) и указал на него рукой:

– Ствол дерева уродлив, – сказал он, – А его корень скажет, что уродство ствола – вина самого ствола? А не корня? И даже скажет, что из-за уродства ствола он, корень, не может хорошо расти и питаться? Что уродство и кривизна ствола сдерживает развитие корня? Такое может быть?

– Нет, – сказал Витя.

– Ствол растёт из корня, но не наоборот, – продолжал Сид, – Корень определяет, каким быть стволу, а не ствол – каким быть корню. Корень может жить без ствола. А вот ствол без корня жить не может. Так кто кого определяет? Разве не корень определяет, каким быть стволу? Разве не народ определяет, каким быть его правительству?

– Вопрос риторический, – сказал Витя, – Для меня. И для тебя. А у нас там... и в Америке, и в России... девять десятых населения, будучи корнями, клячат милости у ствола. И всё ждут, что кривой ствол вдруг сам собой выпрямится, и им, корням, от этого сразу полегчает. Даже на выборы регулярно ходят: голосуют за выпрямление ствола. В общем, ситуация специфическая, если честно: прямо для психиатра... Собственно, даже уже никто всерьёз и не думает, что и ствол, и корень – это одно дерево. Вспоминают об этом, только когда корни стволу пожрать в очередной раз отправляют...

Витя говорил и мысленно отметил это своё «У нас там». В какое «у нас там» он включил автоматически и Россию, и Америку: ну, точно депутат от Земли, беседующий с марсианином.

Блин, подумал Витя, нужно же выяснить всё-таки, куда я попал и где нахожусь... А вот как его спросить, если он буддист, или тем более Будда? Спросишь «Я где?», получишь опять «Нигде», потому что в его представлении это единственно возможный ответ...

Интересно, а вот мы когда на этот вопрос отвечаем «В п...

зде!»), мы что имеем в виду?

То же, что и Сид? Бессмысленность географической локализации, поскольку человек, независимо от территориального местонахождения, всегда находится наедине с самим собой, и это главное, что определяет его поведение?

Или мы тем самым как бы обозначаем, что наше рождение, наше появление из материнской утробы – это просто иллюзия, фантом, а на самом деле мы всю жизнь продолжаем пребывать в ней, видя короткий сон о своём жизненном путешествии?..

«Где я? – В п...зде!» Вот способен же русский язык кратко и ёмко передать одним словом такую россыпь философских и духовных смыслов!.. Прав был Иван Тургенев: велик и могуч... И нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу...

– Слушай, – сказал Витя, – Давай по твоим правилам сыграем... Короче, я не очень понимаю, где я, и что я здесь делаю. Тем более, как я здесь оказался. Но главное вот что: у меня есть чёткое понимание того, что я должен куда-то идти. А вот куда и зачем – не знаю. То есть идти мне надо, а смысл того, куда и зачем, я, видимо, как бы пойму уже в процессе...

Самое интересное, Витя почти не выдумывал: так оно и было.

– И вот я решил, – продолжал он, – Раз я в такой непонятной ситуации, а ты – единственный, кто здесь есть, кроме

меня, то я у тебя и должен спросить: куда мне идти?

Нет, точно больница, подумал Витя, замолчав. Клиника.

Однако Сид смотрел на него со своим обычным милостивым, царственным и снисходительным выражением, словно бы не находя в его словах совершенно ничего странного. Затем он вдруг улыбнулся.

– Ты чего? – спросил Витя.

– Так, – ответил новый знакомый, – Просто подумал: то, что ты говоришь про себя, очень похоже на то, что ты говорил про свой народ...

– В смысле?

– Твой народ долго и терпеливо шёл в определённую сторону. По известному пути. К конкретной цели. Так ведь?

– Ну да, – сказал Витя, – По пути социализма. Имея в качестве цели коммунизм.

– Да. А потом ему сказали, что идти нужно в обратную сторону. Но при этом, заметь, не объяснили, ни как этот новый путь называется, ни куда он по этому новому пути придёт. И главное – зачем он туда придёт? Кому нужно, чтобы он туда пришёл? Ему нужно, этому народу?.. Или кому-то другому?

– Похоже, – сказал Витя.

– Вот. Но по мере того, как народ по этому новому пути двигался, ему всё меньше хотелось туда идти... Становилось понятно, что, во-первых, на этом пути стремительно сокращается поголовье, что является первым условием

крысиной игры. Во-вторых, что большинство выживающих стремительно опускаются и деградируют, что является вторым условием крысиной игры. И в-третьих, что побеждающие крысы...

Он замолчал.

– Что? – спросил Витя.

– Это тоже очень неприятно. Что побеждающие в этой гонке крысы начинают на основании своей победы объявлять себя людьми... Причём *только себя*. И это является третьим условием крысиной игры. Понимаешь? Только те, кто выходит в четвертьфинал, в полуфинал, и так далее, вот только они – люди. И даже – сверхчеловеки. А все прочие...

– Ватники, – сказа Витя, – Совки. Быдло. Нелюди... Знакомо, да... То есть, погоди... Это что же, получается, это вроде искусственного отбора? Ты хочешь сказать, что при движении в эту сторону происходит разделение на «людей и нелюдей»? И чем меньше становится выигравших, и чем больше проигравших, тем меньше, типа, «настоящих людей», и тем больше «нелюдей»?..

– В крысиной логике – да, – ответил Сид, – Причём все те, кто вообще не желает участвовать в крысиной гонке, тоже по умолчанию являются лузерами и нелюдями.

– А в человеческой логике?

– В человеческой – наоборот. Как в зеркале. Или как в Зазеркалье... В человеческой логике, побеждающий в крысиной гонке человеком считаться не может. И даже просто

в неё ввязавшийся... Человеком может считаться только вообще не желающий в ней участвовать.

– А почему ты сказал, что я похож на свой народ?

– Ну как же... Твоему народу в одну сторону идти запретили. А в противоположную он уже и сам не хочет: всё понял... Вот он и топчется на полпути со словами «И куда мне теперь идти?»

– Понятно, – сказал Витя, – А у этого всего название есть?.. Ну, вот этот искусственный отбор, эти крысиные бега – это путь к чему? Путь куда? Изначальное направление понятно: социализм, к коммунизму... А это? Это тоже какой-то «...изм»? Путь к какому-то «...изму?»

Договаривая эту фразу, Витя краем глаза увидел то, от чего его мгновенно прошиб холодный пот. На стволе дерева, под которым они сидели, вдруг обозначились три отчётливых кольца, словно бы некая гигантская змея обвивала ствол своим мощным телом: Вите даже показалось, что он увидел качнувшуюся в воздухе плоскую голову с направленными на него холодными жёлтыми глазами. Он стремительно обернулся – и не увидел ничего, кроме узловатых изгибов коры и слегка покачивающейся низко опущенной ветки.

Сид, похоже, не заметил Витинового испуга. После долгого молчания (долгого, как Вите показалось, или он просто слишком нетерпеливо ждал ответа), новый знакомый не спеша поднялся на ноги. Он оказался примерно с меня, но изящнее и тоньше, по-мальчишески стройный, а его мане-

ра смотреть сверху вниз словно бы добавляла ему роста. Он слегка потянулся, придав своему лицу сонливо-благодное выражение, потом быстрым движением закрутил в узел на макушке свои длинные иссиня-чёрные волосы.

– Я пойду с тобой, – произнёс он. По-видимому, на моём лице отобразилось изумление, потому что Сид снова улыбнулся своей саркастической гримаской и добавил:

– Я в таком же положении, что и ты.

– В каком смысле?

– Ты не знаешь, откуда ты. Куда идёшь. Зачем. И ты готов довериться первому встречному, ибо у тебя нет другого выхода. У тебя сейчас нет прошлого. И нет будущего. Есть только этот момент. Ты в моменте. И я в твоём моменте. В настоящем. Вот так и иди...

– А ты?..

– А я всегда только так и иду, – сказал Сид, и я понял, что помолчать – самое время.

Дохнул тёплый ветер, забрался мне под воротник, пробежал по щеке, перепрыгнул на дорогу и слегка приподнял сухую пыль: ту самую, что мне предстоит теперь топтать долгими верстами...

Глава 5. Место, где тебя нет

Знаешь, чем здесь хорошо? Смотри: вот мы идём и оставляем следы на песке, отчетливые, глубокие. А завтра ты встанешь, помотришь на берег и ничего не найдешь, никаких следов, ни малейших отметин. За ночь все сотрет море и слижет прибой. словно никто и не проходил. словно нас и не было. Если есть на свете место, где тебя нет, то это место здесь.

Уже не земля, но еще и не море. Не мнимая жизнь, но и не настоящая.

Время. Проходящее время.

(Алессандро Баррико «Море-океан»)

Давайте хоть познакомимся, что ли... Вы кто? А, читатель... Ну, очень приятно: а я писатель.

Прикольно устроена литература, да? Вот читаешь-читаешь какой-то текст, переводит твой мозг некие чёрные символы на белом фоне в образы, в картинки... И вырастает из этих закорючек, которых всего-то три десятка, букв то есть, в разном порядке подобранных и составленных в слова, целый мир: с небом, солнцем, деревьями, людьми, разговаривающими на сложные и не очень темы... И ты прямо-таки видишь этих людей, слышишь их голоса, и даже готов на своей щеке почувствовать тот же самый тёплый ветер, что заби-

рается под их воротники. . .

И всё это происходит, разумеется, только внутри тебя, в твоём воображении.

Нет ничего этого: ни неба, ни солнца, ни деревьев, ни людей, ни ветра. Есть, говорю, только набор условных знаков, написанных или напечатанных в определённой последовательности, которые, будучи восприняты твоим зрением, а затем расшифрованы мозгом, превращаются в огромный, солнечный или не очень, мир внутри твоей головы. Небольшая порция буквенного кода, всего-то в триста-пятьсот страниц, способна сделать тебя мудрым или глупым, счастливым или несчастным, радостным или грустным.

И вот ты читаешь, вот уже погрузился полностью в этот воображённый самим тобою мир, который твой мозг самостоятельно прорастил из загруженных в него буквенных комбинаций: видишь небо, слышишь людей, чувствуешь ветер щекою. . . А потом вдруг случается, как говорят программисты, баг: вся эта симуляция разваливается на чёрные квадратики, пиксели, исчезает звук, пропадает картинка, весь этот мир разрушается вдруг и мгновенно, только потому, что ты вдруг услышал (как тебе кажется, над самым ухом) протяжный призыв «Витька, хватит книжки читать: пошёл бы погулял!»

Или того хуже: сквозь этот мир, столь убедительно звучащий и выглядящий, вдруг проламывается нахальная харя писателя, который, оказывается, всё это время просто на-

шёптывал тебе в ухо строчки буквенного кода, и с ухмылкой произносит «Давайте хоть познакомимся, что ли... Вы кто? А, читатель... Ну, очень приятно: а я писатель».

Такие вот обломы, в виде внезапного разрушения реальности, создаваемой нашим собственным воображением, обычно испытывают только продвинутые мистики. Впрочем, для них это не облом, они к этому разрушению идут целенаправленно, годами, при помощи трудных, иногда мучительных повседневных практик.

Обычные же люди испытывают это ощущение, как правило, либо при просмотре кинофильма, либо при чтении книги. То есть при попытке создать в своём воображении ещё одну реальность, чуть более локальную, чем то, что они принимают за собственную жизнь. Реальность, как бы вложенную в основную, как вкладываются одна в другую матрёшки.

Если вы вдруг, сидя в кинотеатре и будучи по уши погружены в события на экране, внезапно окажетесь способны осознать (правда, именно это сделать сложнее всего), что никакой перестрелки или бурного чувственного романа перед вами в действительности не разворачивается, а перед вашими глазами просто прокручивается последовательность статичных картинок со скоростью двадцать четыре фотки в секунду, вы точно так же провалитесь в некую вдруг образовавшуюся под вашими ногами трещину в реальности, которую ваш мозг только что с таким усердием имитировал. Правда, вас тут же подхватит другая имитация, согласно ко-

торой вы удобно расположились в кресле кинотеатра, а рядом похрюкивает подруга или друг с ведёрком попкорна. Так что ваша паника, вызванная этим психологическим провалом, окажется очень недолгой...

В этом смысле кино с момента своего появления стало альтернативой книгам, ибо на протяжении большей части истории люди склонны были заколдовывать друг друга и самих себя, говоря, посредством шифрования и обратного расшифровывания реальности при помощи букв и слов.

Компьютерные игры, которые по сути своей представляют собою просто управляемое вами самими кино, стали очередным шагом на этом пути.

Если ваш ноутбук слабоват, и не справляется с той операционной нагрузкой, которую требует от него запущенная вами игра, то вы точно так же будете проваливаться в трещины в воображаемой реальности, когда небо, солнце, деревья и люди начнут вдруг распадаться на чёрные квадратики. А если вы, вдруг и резко, переместите изображение на экране, то обнаружите, что тот объект, который до этого был за пределами экрана (и про который вы точно знаете, что он там есть!), на самом деле отсутствует, и появляется перед вашим удивлённым взором лишь с секундным опозданием: как младшая жена Гюльчатай, в очередной раз опоздавшая на инструктаж красноармейца Сухова.

Те объекты, которые в данный момент находятся за пределами экрана, программа просто перестаёт визуализировать,

в целях снижения нагрузки на процессор: зачем вам домики, на которые вы пока не смотрите, и люди, в которых вы пока не стреляете?

Примерно это имели в виду древние, когда задавали себе разумный вопрос «Существует ли Луна, когда я на неё не смотрю? А когда на неё *вообще никто* не смотрит?»

Кстати, а на месте ли та стена, что позади вас?

Обернулись, проверили? На месте? Тогда двигаемся дальше...

Создать перед вашими глазами, а тем самым и внутри вашей головы, воображаемым вами самими мир, таким образом, совсем несложно. Для этого, как мы выяснили, достаточно предъявить вам несколько сотен страниц буквенного кода (в некоторых случаях хватает даже нескольких строк такого кода) либо промотать перед вами последовательность статичных картинок, из которых ваш мозг сам создаст движение.

Идея о том, что мы все живём в масштабной симуляции, неведь кем и для чего производимой, идея, что все мы суть не что иное, как персонажи некоей компьютерной игры, запущенной неведомым богом на принадлежащем ему сверхмощном компьютере, в нашем современном мире приобрела серьёзную популярность.

Правда, популярность эта особого рода, как и практически любая другая популярность в этом вашем современном мире.

В этом вашем, нашем, мать его так, современном мире популярность обретает – мгновенно и надолго – в основном то, что способно вызвать на лице потребителя глуповатую ухмылку и пробудить в нём мысль «А чё? Прикольно...»

Вы видели когда-нибудь выражение лица младенца, который вдруг рассмотрел повешенные перед его лицом погрешки, и осознал, что если теревить их ручкой, то можно вызывать приятный убаюкивающий звук?

Примерно такое же выражение появляется на лице аборигена Новой Гвинеи, когда появившийся перед ним белый человек протягивает ему яркие бусы или браслеты: их сверкание под солнечными лучами, равно как их мелодичное похрустывание, возникающее, если их потрясти перед носом аборигена, вводят его в подобие благоговейного транса.

Примерно это же выражение не сходит и с лица русского аборигена, с того самого момента, когда заезжие колонизаторы впервые показали ему жевательную резинку в яркой упаковке, синие джинсы и зелёную бумагу с портретами собственных президентов, сопроводив всё это аккордами рок-н-ролла.

Ни младенец, ни папуас, ни русский абориген, разумеется, не осознают ни подлинного назначения предъявленных предметов, ни целей, с которыми этот предмет им предъявлен: для них важно именно это состояние транса, полусонного комфорта, которое способен вызвать предмет.

Если же наш младенец или абориген, вопреки всему,

вдруг поймут подлинный смысл происходящего – а смысл, понятно, состоит в том, что взрослые люди (или белые люди, что в известном контексте одно и то же) просто решили отвлечь его внимание на то время, пока они будут вокруг него заниматься своими взрослыми делами, – то он, скорее всего, расстроился бы, а вовсе не обрадовался.

Смысл и назначение этих взрослых дел он всё равно осознать будет не способен, и уж тем более не способен составить взрослым белым людям конкуренцию в занятии этими делами: так что куда лучше продолжать пялиться на повешенные перед твоим носом стеклянные бусы, периодически повторяя уже упомянутую мантру «А чё? Прикольно...»

В этом смысле идея о том, что всё тебя окружающее – не более чем компьютерная симуляция, а сам ты – просто персонаж внутри вселенской компьютерной игры, на поверку оказывается тем же самым: подвешенной перед носом младенца погремушкой, способной его отвлечь, позабавить или усыпить, но совершенно не способной предоставить юному папуасу подлинно ценных выводов.

Мир – не симуляция. Мир реален. Но в реальном мире нет богатых и бедных. Нет «власти» и «народа». Нет денег, кредитов и процентов по ним. Нет жилья в ипотеку. Нет победы в карьерной и материальной гонке. Нет личного успеха в отрыве от общественного. Нет золотых парашютов и оффшорных счетов. Нет социальных дистанций – ни в каком смысле этого слова вообще. Нет никаких масок, кроме карнаваль-

ных, и никаких кодов, кроме компьютерных.

Всё перечисленное – просто бусы и погремушки разного размера, призванные вводить младенца в транс.

Реальный взрослый мир состоит из мужчин и женщин, пытающихся жить в любви, мире и согласии. И даже способных на это: ровно до того момента, пока их внимание в очередной раз не отвлекает шевеление и мелодичный звон погремушек, превращающих их в неразумных детей...

Глава 6. Проводники

Умение легко перейти от шутки к серьезному и от серьезного к шутке требует большего таланта, чем обыкновенно думают.

Нередко шутка служит проводником такой истины, которая не достигла бы цели без ее помощи.

(Фрэнсис Бэкон)

Они сидели в какой-то придорожной харчевне, низенькой и убогой, с покосившейся черепичной крышей.

Или не в харчевне.

За время, проведённое *здесь* и *с ним*, у Вити накопилось немало вопросов.

Первый из них, «Куда я попал и где именно нахожусь?», Витя задал Сиду сразу, ещё при встрече: и, если помните, получил дурацкий ответ «здесь».

Заметьте: куда бы вы ни попали и где бы вы ни находились, если встреченный вами прохожий на ваш вопрос «Где я?» ответит «Здесь», вы попадёте в странную ситуацию.

Во-первых, прохожий совершенно прав. Во-вторых, разумеется, вам такой ответ ничего не даёт. В-третьих, что самое интересное: все ваши попытки произвести более точную локализацию своего местонахождения – выяснить географию, названия населённых пунктов и так далее – на поверку ока-

зываются лишь трусливым стремлением выяснить, насколько далеко вы, так сказать, выпали из своего привычного гнезда, и сколько усилий вам придётся потратить, чтобы вернуться к месту своего привычного обитания.

Ответ «Я здесь» вас не устраивает именно потому, что просто «здесь» вы находиться не привыкли: вы привыкли связывать себя с конкретным местом, и делаете это ещё прочнее, чем хозяин собаки привязывает её шнуром к забору.

Поэтому когда на вопрос «Где я?» вы получаете ответ «Вы сейчас в деревеньке Свиблово Мценского уезда Тутанхамонской области, в 30 км от районного центра, ближайшая автобусная остановка за углом» приводит вас в ощущение блаженства, ясности и формирует готовность к действию: теперь вы точно понимаете, как именно вернётесь в привычный вам Мухозасранск, и сколько времени потратите на это. А вот ответ «Вы *здесь*» – дезориентирует и пугает: он предполагает, что бежать, ехать, стремиться вам более никуда не надо.

Вы *уже* здесь.

«Я в харчевне», сказал себе Витя, вытащил пальцами из своей миски какой-то тушёный овощ и отправил в рот. А вчера я увидел Сиду возле дороги под деревом, мы познакомились, до самого вечера шли пешком, переночевали на постоялом дворе, а сегодня нас вёз какой-то крестьянин на воловьей повозке, потом мы опять шли пешком, и вот мы здесь.

Если я могу вспомнить, как я сюда попал, то я не сплю. Это ведь так работает?

А как тогда я попал под то дерево?

То же самое касается и времени. Человеку, находящемуся в привычном метании между собственным прошлым и будущим, привыкшему постоянно задавать себе исключительно вопросы «Что же это *было?*» и «Что теперь *будет?*», крайне сложно поместить себя в то узкое пространство «Сейчас», в котором только и возможна жизнь. Никакой верблюд, отягощённый двумя горбами под названием «прошлое» и «будущее», принципиально не способен пройти через игольное ушко «настоящего»: хотя именно эта нехитрая способность и есть то немногое, к чему стоит стремиться в жизни.

Всё это Сид объяснял ему за то время, которые они провели вместе, и примерно в этих самых выражениях. Надо сказать, Сид умел завораживать слушателя: не только убийственной простотой и кристальностью собственной логики, но и своими царственными манерами, осанкой, жестами, неторопливостью и мелодичностью речи. Кроме того, с его лица практически ни на секунду не сходило ранее подмеченное Витей чуть раздражённое, но в то же время снисходительное выражение всё понявшего про жизнь гуру, вокруг которого наступают на привычные им грабли неразумные младенцы, и по поводу синяков и шишек которых он испытывает глубокую скорбь. Это тоже придавало ему своеобразный шарм: он продолжал напоминать Вите осла Иа из со-

ветского мультика, словно бы постоянно готового спросить «Ну, что у вас опять случилось?» или «Ну, какой вашей очередной глупости мне придётся сопереживать?»

Минуту назад он объяснял Вите, что и эта придорожная хибара, куда они заглянули на запах тушёного мяса, и этот грубо сколоченный стол, на который Витя выложил локти, – всё это просто попытка привязать собственные ощущения к каким-то привычным образам и конструкциям.

Мол, если я скажу себе «Я сижу в харчевне за столом», то есть навешу конкретный узнаваемый ярлык на место своего пребывания, то это даст мне то самое обманчивое чувство спокойствия, за которым я так гоняюсь. Но которое, в действительности, просто погружает меня в привычный для меня сон повседневности.

Если же я скажу себе просто «Я здесь»... в общем, ну вы поняли. Это для меня шанс проснуться и бла-бла-бла.

Так что, возможно, думал я, мы и не в харчевне. И он не ест руками из глиняной плошки рис, а передо мною не стоит на столе тарелка с овощами и козьим сыром. Тушёное мясо, говорите? Видели бы вы, какими глазами он глянул на меня, когда я спросил хозяина о мясе: как Робинзон Крузо, которому Пятница по привычке предложил полакомиться трупами убитых врагов. Попав в незнакомое место, следует внимательно относиться к настроению своего единственного попутчика: поэтому мясо я переиграл на сыр и овощи. И вот уже около получаса мы сидели у приоткрытого окна, в кото-

рое порывами влетал тёплый степной ветер, глядя меня по щекам и шевеля чёрные распущенные волосы Сиды.

Кстати, рис Сид тоже ел довольно своеобразно: доставая из миски пальцами едва ли не по одному зёрнышку, укладывая в рот и даже не прожёвывая, а словно бы растирая языком по нёбу. Насколько я понял из его предыдущих рассказов, в его жизни был период, когда он питался одним зёрнышком риса в день. Если в это поверить, то сейчас он на моих глазах уничтожает примерно свой годовой рацион. Впрочем, поверить легко, если он всё же Будда. И бывший царевич Шакьямуни. Если же он Сид, как я называю его с момента нашего знакомства под придорожным деревом, то хотя это не объясняет ни его величавых манер, ни странноватых аскетических привычек, ни удивительной логики, но зато даёт мне возможность сохранять веру в здравость собственного рассудка и снижает градус нашего общения. Позволить себе запросто побродить по просёлочным дорогам и поесть за одним столом с Буддой я, по-видимому, психологически пока не готов.

– Сид, – заговорил я, – Допустим, я всё понял и про «здесь» и про «сейчас»...

Он глянул на меня взглядом профессора математики, которому семилетний внук после урока арифметики сообщает, что в науке для него не осталось никаких тайн, и я поправился:

– Я же говорю «допустим». Ну, не всё, но кое-что по-

нял. Короче: я верблюд, который никак не может пролезть в игольное ушко под названием «Где я?» Да, с твоей точки зрения это глупо, но мне нужно конкретное объяснение. То, что здесь странно, я уже оценил. И сообразил. Это место – в смысле, все места, где мы с тобой уже побывали, – очень своеобразное. Это очень отличается от того, к чему я привык. И потом, ты мне постоянно твердишь «там, у вас» и «здесь, у нас». Где это «там у нас», и что это «здесь у вас»? Проще всего, конечно, предположить, что я во сне: это всё объясняет. Я сплю, и всё это мне снится: вместе с тобой.

Он улыбнулся своей фирменной улыбкой, одними уголками губ, потому что за время нашего знакомства он мне все уши уже прожужжал насчёт сна и пробуждения.

– Я в прямом смысле, – продолжал я, – Хорошо, договорились: мы все спящие, а ты Первый Пробуждённый. Я бы мог сказать, что у меня есть совершенно чёткое ощущение реальности всего происходящего, но я наперёд знаю, что ты мне ответишь: что во сне оно у всех есть, и что оно нас всех обманывает до тех пор, пока мы не проснёмся... Окей, давай я спрошу по-другому: *в каком именно сне я нахожусь?* Такая постановка вопроса отвечает твоему мировоззрению? Ведь у сна, как и у любого мира, есть своя внутренняя логика... В чём логика этого мира? *Вашего* мира? Как мне себя вести? Может быть, ты даже скажешь мне, для чего я здесь? У меня странное чувство: я уверен, что я здесь для конкретной цели, но вот для какой?.. Если же это сон, то все приснившиеся

мне персонажи должны вести меня по моему пути. Так что давай, не снись мне просто так: веди меня по пути моего сна!

Как я уже успел убедиться, Сид никогда не смеялся, так что его резкое хмыканье в ответ на эту мою тираду должно было означать верх веселья с его стороны. Однако Сид не сразу ответил: он помолчал, задумался, а потом вдруг стал серьёзен.

– Разумеется, я не знаю, зачем ты здесь, – ответил он наконец, – Более того: скажу тебе по секрету, я не знаю даже, *зачем я здесь*. Для меня совершенно очевидно одно: я здесь, и это для чего-то необходимо. В данный момент, безусловно, единственный смысл моего пребывания здесь – это помочь тебе достичь твоей цели, даже если мы оба не знаем, в чём она состоит. Поэтому я объясню тебе, где именно ты находишься, и расскажу, как здесь всё работает. Надеюсь, это поможет нам обоим сделать следующий шаг.

– Барабанная дробь, – сказал Витя, – Жду с нетерпением. Наверняка сейчас услышу нечто потрясающее.

– Ничего особенного, всё просто, – улыбнулся Сид, – Это идеальный мир.

– В каком смысле? – спросил Витя, – Это лучший из всех возможных миров? Рай? Идеальный в смысле безупречный?

– Нет, не так, – ответил Сид, – «Идеальный» в смысле «информационный». Это – мир идей. Тут живут одни идеи. Информация. Здесь нет материи. Мир чистой абстракции. Ну, у вас там был такой грек Платон, он описал это как некий кос-

мос, где хранится весь потенциал для материального созидания. Или был русский Вернадский, он говорил о ноосфере. Вам это вообще свойственно: придумывать новые определения давно известным вещам. Мы это тут у себя называем Акаша.

– «Хроники Акаши»? – переспросил Витя, – Да, что-то слышал...

– Хроники? – поморщился Сид, – Это у вас там хроники: хронически пересаживаются с одних стимуляторов на другие... Один такой и придумал «Хроники Акаши»: кажется, Штайнер его звали... Вот опять: зачем усложнять простое? Акаша – это отсутствие сопротивления материи. Полное отсутствие физического пространства. Первопричина всего. Повторяю, чистая абстракция.

– Мир мыслей, говоришь? – переспросил Витя, – Мир идей?..

– Даже ещё круче, – улыбнулся Сид, – Мир того, что *до мыслей и до идей*. Того, что им предшествует. Когда тебе пришла мысль, пришла идея, то она уже не принадлежит Акаше, хотя пришла отсюда: она уже принадлежит тебе. И становится в этот момент довольно глупой и посредственной, если честно: потому что преломляется через призму твоего личного опыта и ума. Твоего не вполне адекватного опыта и не вполне созревшего ума... А уж когда ты её начинаешь воплощать в жизнь – вообще беда...

Сид снова хмыкнул.

– То есть я – чел из материального мира, который попал в информационный мир? – уточнил Витя, – И общаюсь с идеями? И ты – идея? Абстракция?

– Ну не то чтобы «попал»... Здесь, повторяю, никакой материи существовать не может. Но у твоего физического тела, которое существует на материальном уровне, есть первопричина. Его, этого тела, так сказать, информационный проект. *Идея о тебе. Ты как идея.* Вот она тут и живёт.

– Не понял...

Сид побарабанил пальцами по столу, словно бы подбирая слова.

– Ну, – сказал он, – Вот мама с папой зачали ребёнка. Ребёнок уже есть?

– Кто как считает, – ответил Витя, – Попы говорят есть. Поэтому аборт запрещают. Типа, это убийство, только в утробе.

– Я не в этом смысле, – сказал Сид, – Вот представь: они уже знают, или думают, что знают, каким он будет. Видят его, светловолосого, кудрявого, симпатичного, бегающего по комнате и переворачивающего всё вверх дном... Представляют как живого: цвет глаз, улыбку. Даже уже знают, как его будут звать. Имя выбрали. Он уже есть?

– А, понял, – подхватил Витя, – Как идея, безусловно, уже есть. Уже родился и живёт, так сказать.

– Ну вот. Хотя самого человека в его материальном воплощении ещё нет. А теперь другой пример: дедушка умер,

и внуки повесили портрет на стену. И прошло тридцать лет: старика уже даже в могиле нет, кости истлели, а внуки показывают на стену и говорят «Вот какой был человек!» Старший внук пишет книгу «О вкладе В. С. Староверного в развитие инженерно-технического потенциала СССР», средняя постит статейку в Википедии, а младший вспоминает «А дедушка меня на лыбалку блал!» Есть человек?

– Физически нету, – ответил Витя, – А как идея продолжает жить. И будет жить всегда. Бессмертие в этом?

– Ну, ваши идеи тоже не бессмертны. Теоретически может случиться, что некий постулат, некую идею люди забудут навсегда. Между собой забудут. В силу особенностей своего ума и структуры своего текущего опыта, который эту идею никак не подтверждает. Скажем, у вас там сейчас это с идеей «Бог» происходит... А у нас здесь да: ничего не теряется, и ничто не умирает. И к любому из того, что здесь есть, вы в любой момент можете притронуться или вернуться.

– А у вас тут всё есть?..

– Ничего у нас тут нет, – снова улыбнулся Сид, – Только первопричина. Великое «Ничто». Ваши физики сейчас ведь посчитали: более девяноста процентов Вселенной – это так называемая «чёрная материя». Непроявленная, развоплощённая... Это и есть великий потенциал, из которого всё рождается...

– Упс, – сказал Витя, – Улавливаю. То есть отсюда каждый выносит то, что он способен вынести, с учётом собственного

ума и опыта? И потом облакает это в идею? А ещё потом претворяет в жизнь? Типа, захотел, придумал, построил?

– Ну да.

– Впечатляет. И что я здесь делаю? Я зачем сюда попал?

– Вот это и будем выяснять, – сказал Сид, – Видишь ли. Мы тут типа проводников. Ты, скажем, когда в горы идёшь, нанимаешь ведь местных, которые все тропы знают... Ты спросил, абстракция ли я? Для Акаши уже нет, я тут оформленная идея, которая помогает всем, кто к ней обращается. Ну и у вас там я периодически появляюсь, в разных физических шкурах...

– Зачем?

– Посылают, – пожал плечами Сид, – У вас там девять десятых народу в принципе неспособны даже заглянуть за грань физического мира. Ты вот как-то пролез, молодец. Анахата-чакра, значит, прокачанная... А большинство нет, досюда не добираются... Поэтому напротив них надо просто поставить реального человека из плоти и крови, который, чтобы что-то духовное до них донести, должен треснуть их дубиной по башке. Ну, не в прямом смысле, конечно...

– А как?

– По-разному. Мне в своё время повезло: я харизматик был, красивый, статный, пластика царственная, спасибо папе и дворцу...

– Ты и сейчас такой...

Сид соорудил довольную гримасу.

– Мне даже говорить особо не надо было: я как-то на людей смотрел, и они сами всё понимали. Иногда просто пальцем показывал... Или они на меня смотрели, как я живу и что делаю, и тоже всё понимали. Да... А вот уже после меня были такие проводники, которым с людьми говорить приходилось, и помногу. Люди менее восприимчивые стали, что ли?.. Одному из наших даже пришлось на их глазах умереть мучительной смертью: его на кресте повесили... На несколько сот лет им хватило. Правда, потом снова всё по-новой... Он интересный: попозже познакомишься...

– Как? И с *ним*?

– Ну да. А что такого?

– Ну как бы... Я не то, чтобы верующий и всё такое, но я ведь в христианской культуре воспитывался. А у нас... у них там Он – это Бог. И так вот с ним пообщаться, на короткой ноге, как мы с тобой...

Сид поморщился.

– Я же говорю: у нас тут идеи. Даже не идеи, а пред-идеи, зародыши идей. Нет у нас тут никаких богов. Есть, скажем, нечто, что кто-то оформил в идею «Возлюби ближнего своего». И понёс её, так сказать, людям. А они, наслушавшись, сделали много разных своих выводов. Например, что раз такое кто-то говорит – то он бог, не иначе. Главного вывода только не сделали... А насчёт короткой ноги – он сам тебе расскажет. Люди с ним не то что на короткой ноге: они из него вообще сделали скорую помощь, бюро находок и сервис

добрых услуг в одном лице. Хорошо хоть меня мои адепты ни о чём не просят... А ведь отказывать неприятно: подумаю, что тебя нету. Или ты не способен. А делать то, что они просят, ещё неприятнее... Вот и выбирал бы.

Сид отпил воды из стоявшей перед ним глиняной чашки.

– Ну хорошо, – помолчав, продолжил Витя, – Я значит, в мире идей. Или в том мире, который *до* идей. И мне надо выяснить, зачем я здесь. И что я отсюда вынесу туда к нам... то есть к ним... мать твою, совсем ты меня запутал... в том числе с твоей... ну, по ходу, я так понимаю, уже с вашей общей помощью. Но давай так: а зачем тут чаще всего оказываются? Что выносят? Ну вот ты чаще всего в чём помогал?

Сид задумался.

– Да если объединить, то всё одно и то же. Типа, мы, люди, *там у себя* живём плохо. Страдаем. Забыли, как хорошо жить. Хотим вспомнить. Разница только в том, что кто-то хочет *для себя* вспомнить, как хорошо жить. А кто-то хочет вспомнить *для всех*.

– А разве не каждому своё? То есть одному хорошо так, а другому эдак?

Витя снова увидел старого утомлённого осла.

– Вот потому, что вы так думаете, там у вас и плохо, – назидательно ответил Сид, – Ты видел моё дерево? У него все листья растут на одной ветке. А ветки растут из одного ствола. А ствол торчит из одного корня. Ну, и как один лист может сделать себе хорошо? Есть спецспособ обретения лич-

ного счастья, который не годится для прочих?

– Не знаю, – сказал Витя, – Нет, наверное.

– Ну вот. А «каждому своё» – это только в качестве надписи на концлагере годится¹.

Сид аккуратно выгреб из миски последние зёрнышки риса, отправил в рот и некоторое время шевелил скулами. Глядя на него, я вдруг отчётливо понял смысл выражения «тает во рту»: секрет его в том, что таяние пищи во рту зависит не от качества пищи, а от качества дегустатора. Если вы понимаете, что я хочу сказать.

– «Возлюби ближнего своего», – повторил я, – А ты чего отсюда вынес? Как там у буддистов... «Жизнь есть страдание»?

– Это не отсюда, – сказал он, – Это я оттуда, от вас вынес. Здесь я до такого не додумался бы... А там – да. Я ведь как начинал?.. Если у тебя папа живёт во дворце за каменным забором, где даже у обслуживающего персонала единственная цель дня – переползти от одного фонтана к другому, по возможности не сблевав по дороге от пережора, а потом ты в тридцать лет вдруг выходишь за пределы этого дворца и видишь, как живут прочие люди...

– Страдают, понятно. Так у кого жизнь страдание? – уточнил я, – Я чего-то перестал понимать... Ты ведь если бы

¹ *Jedem das Seine* (нем). «Каждому своё», фраза, использовавшаяся германскими нацистами в качестве надписи на воротах концентрационного лагеря Бухенвальд в годы Второй мировой войны.

остался во дворце – то страдания *у тебя бы* не было? Было бы *только у них*? Ну так остался бы...

– Метапсихология социализма, – сказал Сид.

– Чего?.. – напряжённо переспросил я.

Он посмотрел в окно. За окном, похоже, готовился дождь. начинало темнеть, поднимался ветер, вздымая с дороги ветхую серую пыль. По верхушкам деревьев пробежал лёгкий озноб, какой бывает в предвестие хорошего ливня. Небо вздыхало, собираясь с силами.

– Нам нужно идти, – сказал он, – Но мы поговорим об этом, обещаю. И ещё о многом.

– Идти? – переспросил я, – Под дождь? Сейчас как ливанёт, промокнем...

– Это не дождь, – сказал он, не отрывая взгляда от пыльной дороги, – Мы засиделись на месте. Погода всегда должна быть хорошей. Если погода портится – это знак, надо уходить. Тут у нас так.

– А куда идти?

Он поднялся из-за стола и с удовольствием повёл плечами, потягиваясь. Причудливый браслет на его запястье, составленный из дерева и кожаных ремешков, затрещал, словно гремучая змея. Потом он посмотрел на меня насмешливым взглядом и указал рукой в сторону открытого окна на дорогу:

– Туда.

Ну да. Чего ещё можно было ожидать.

Глава 7. Под звук отсутствующего бубна

Тебе земля ходи, нога топчи, след делай.

Моя глаза есть – посмотри.

(Владимир Арсеньев, «Дерсу Узала»)

Тут самое время представиться и мне.

Меня зовут Эрегорд Харальд Агер, и я шаман.

Вероятно, вы представили себе одетого в звериные шкуры человека монголоидной внешности, стучащего в массивный бубен и ритмично приплясывающего вокруг костра.

Это не совсем так. Вернее, совсем не так.

Я не выгляжу, как бурят или тувинец, и как американский индеец тоже не выгляжу. Я не одет в звериные шкуры, и вообще отдаю предпочтение льну и хлопку перед шерстью и мехом. Бубна у меня тоже нет. Вернее, он есть, но он тоже не выглядит, как бубен.

Оказывается, это не так просто объяснить...

Попробую ещё раз.

Слово «шаман» вообще не имеет конкретного значения и указания на некую определённую личность. Это просто придуманное русскими собирательное название тех самых одетых в звериные шкуры людей монголоидной или индейской

внешности, стучащих в массивный бубен и ритмично приплясывающих вокруг костра. Этим людям русские колонисты в избытке встречали во время своего настойчивого продвижения по территории Сибири, вплоть до Берингова пролива, а затем уже и на американской земле. Откуда это слово у русских, вопрос спорный: вполне возможно, от неких общих для санскрита и русского протоязыковых корней «са», то есть знание, и «ман», то есть человек, иначе «са-ман», «человек знания».

При этом ни один из этих людей, ни бурят, ни якут, ни индеец, ни кто-либо другой, сам себя так не называет.

Хотя, совершенно точно, знает чего-то такое, чего не знает большинство окружающих его людей.

Я бы тоже сам себя так не называл, если бы не одно обстоятельство.

Когда мне приходится объяснять людям, чем я занимаюсь, я неизменно обнаруживаю, что каждый из них способен понять в моём объяснении только то, что укладывается лично в его картину мира.

Скажем, если человек слышит, что в прошлом году я выпустил в таком-то издательстве очередную книгу, он с удовлетворением отмечает «А, так вы – писатель».

Если же я упоминаю, что в ходе общения со мной люди получают возможность изменить собственное мышление и поведение, решив таким образом собственные психологические проблемы, человек понимает для себя «То есть вы –

психолог».

Если в его поле внимание попало упоминание о том, что я опубликовал статью или выступил с лекцией, он определяет, что имеет дело с «блогером» или публицистом.

В общем, человек реагирует на некий знакомый лично ему сигнал в моих словах, и привязывает мою личность к некоему понятному лично ему определению. И ему становится спокойно от ощущения, что он всё про меня узнал.

Я не препятствую. Пусть.

Очень часто я даже облегчаю человеку задачу: наскоро прикинув по его психическому и ментальному портрету, какое объяснение лично он способен понять и принять, просто подкидываю ему определение в готовом виде, избавляя его от столь ненавистой ему обязанности соображать. Говорю, например, «Я – писатель». И он с пониманием кивает.

И это то немногое, понятное для большинства людей, что я могу им про себя сообщить.

Другая часть, которую я мог бы сообщить, относится к малопонятному.

Скажи я человеку, например, что я по жизни занят штопаньем прорех и разрывов в реальности, или что я за счёт своего хорошо развитого слуха служу ночным сторожем, охраняю всё племя в тот период, пока длится галактическая ночь, поскольку в ней, как и в любой ночи, зрение почти бесполезно, а вот слух бесценен, меня зачислили бы в «эзотерики» или просто посчитали за чокнутого.

Третья часть того, чем я занят, вообще не подлежит изложению другим людям ни в каком виде, просто в силу отсутствия в языке подходящих инструментов для такого изложения.

Как соотносится со мною одетый в звериные шкуры человек монголоидной или индейской внешности, стучащий в массивный бубен и ритмично приплясывающий вокруг костра? Примерно так же, как пламя огрызка свечи, воткнутого в рубленый деревянный стол, соотносится с пламенем свечи, аккуратно заправленной в стильный подсвечник из стекла и поликарбоната, купленный за полтора десятка евро в ближайшем супермаркете.

Если вы поняли, что я хочу сказать. А если не поняли, то и ладно.

Кстати говоря, мои далёкие предки, стучавшие в бубен вокруг костра, в общении с пришельцами действовали примерно так же. Даже на прямой вопрос этнографа или геолога «Ты – шаман?» часто делали удивлённое лицо и лениво отвечали «Какой шаман, командир?.. Охотник. Зверя на шкуры бьём...» То есть оперировали мышлением пациента в понятных ему самому терминах. Зверя в лесу видел? Шкуру на нём видел? Ну, вот...

Если же к этому неохотно добавлялось «Если духи приходят – с духами разговариваем», то это означало уже, что собеседник зачислен шаманом в категорию тех редких людей, которые способны воспринимать и идентифицировать

зверя не только по наличию на нём некоей шкуры, но и по присутствию в нём духа.

И человека способных воспринимать так же.

Витю Алябьева из общей толпы людей, которые в 90-е годы прошлого века вдруг перестали чувствовать под собою страну уже не в мандельштамовском, а в самом прямом смысле этого слова, я для себя выделил сравнительно недавно.

Тогда, в 90-е, он представлял из себя то же самое, что и окружавшее его большинство. Та же гримаса недоумения и растерянности, постепенно переходящая сперва в шок, а затем, в зависимости от личного гормонального набора, либо в упёртую решимость во что бы то ни стало действовать и любой ценой победить, либо в юродивую готовность мученически погибнуть под обломками внезапно рухнувшего мира. Витя, надо отдать ему должное (хотя причём тут он? просто приоритет адреналиновой реакции над эстрогеновой), на крушение страны и на внезапно возникшую необходимость тотального обнуления собственного мировоззрения отреагировал по принципу «Бей или беги»: лихорадочно занялся бизнесом и сравнительно быстро выбрался на средние ступени вдруг проявившейся под ногами ничего до этого не подозревавших советских людей лестницы социального успеха.

Таковых людей в тот момент было достаточно: хотя ещё больше было тех, на костях которых эту лестницу оперативно воздвигли заезжие эффективные менеджеры из Тавистокского института, сопровождаемые кураторами из ЦРУ США

и нанятыми из местных аборигенов добровольцами.

Но ни те, ни другие, ни преуспевшие, ни похороненные, познавательного и прикладного интереса для человека моего профиля не представляли (хотя, безусловно, заслуживали человеческого сострадания).

C'est la vie, такова социальная динамика любой масштабной исторической трагедии.

На Витю я обратил внимание несколько позднее, и по причинам довольно специфического свойства. Успешный предприниматель новой России, достигший определённых высот того днища, в которое эта Россия постепенно превращалась, он вдруг захандрил и начал думать.

А когда социально преуспевший человек, вроде бы ни с того ни с сего, вдруг начинает думать, причём на совершенно неподходящие для такого человека темы, вроде размышлений о ближнем своём, и о приемлемости собственного социального успеха с экзистенциальной точки зрения, это может означать одно из двух: либо у человека проснулось чувство вины, либо началась шаманская болезнь.

И вот во втором случае он как раз и попадает в поле моего зрения.

Проснувшаяся в человеке вина – дело не совсем моего профиля. Такого человека с удовольствием подхватят в свои объятия профессиональные модераторы РПЦ, и он в течение всей оставшейся жизни будет иступлённо жертвовать на храмы, иногда даже в объёмах, позволяющих в приделе

нового собора повесить именную доску с именем жертвователя. Или его возьмут в оборот люди из другого ведомства, и тогда он станет учредителем многочисленных благотворительных фондов, откуда будут финансироваться образование, культура и спорт в его городе, республике или даже в целом в стране (в норме, понятно, эти расходы должны нести соответствующие бюджеты, но, по некоему несчастливому стечению обстоятельств, именно на эти цели денег в этих бюджетах давно уже нет, и более никогда не будет). А тут, так сказать, такой случай: богатый успешный человек с внезапным чувством вины за содеянное, то есть верный способ ликвидировать любой бюджетный дефицит.

В общем, пока проснувшимся чувством вины в России занимаются РПЦ и ФСБ, людям моей специальности делать там нечего. Да и, честно говоря, я и мне подобные (а нас по стране и в мире, в целом, достаточно) заниматься этим не стали бы даже при отсутствии конкуренции в этой нише. Чувство вины имеет ту неприятную специфику, что: а) его можно подавить или скрыть; б) оно способно столь же внезапно уснуть, сколь неожиданно и проснулось. А вот люди, подвергшиеся шаманской болезни, – предмет моего самого непосредственного интереса, ибо этот процесс, в отличие от процесса пробуждения совести, суть билет в один конец. И уж коль скоро с человеком это начало происходить, то весьма скоро он, как минимум, окажется способен на явно выходящее за рамки привычного мышление и поведение, а как

максимум, пополнит наши ряды. Поэтому такого человека мы «ведём» с самого начала, с момента появления первых признаков: именно поэтому я и обратил внимание на Витю несколько лет назад.

Вероятно, здесь следует сказать несколько слов о «шаманской болезни».

Как и в почти любом связанном с шаманством вопросе, вокруг этого накручено немало шизы: причём существенное количество её накручено нами самими. Что поделаться, конспирация.

Но, в отличие от обладателей популярной и доходной нынче профессии «конспиролог», шаман действует не по принципу «Я знаю нечто такое, о чём вы все даже не подозреваете!», а по прямо противоположному: «Я не знаю ничего такого, чего вы не могли бы знать сами, если бы хотели это знать».

В этой связи любой бред по любому вопросу генерируется шаманом исключительно с целью прикрыть вопрос от людей, которые *сами не хотят* обращать на него внимание. Примерно так же действует ресторатор: он не заставляет шеф-повара резать шею курице прямо на столе перед вами, чинно усевшимся гостем, тем самым давая вам благостную возможность впоследствии появившегося перед вами цыплёнка табака не истекшей кровью птицей с недавно отрубленной головой, а аппетитным блюдом в обрамлении овощей и приправ.

Он не лишает вас права на незнание, он оставляет это право за вами. Помимо вашей воли лишить вас вашего права на незнание – значит, нарушить вашу свободу. Права на незнание человек может лишить себя только сам...

Шаманская болезнь никакой «болезнью» в медицинском смысле этого слова не является. То есть у нас не поднимается температура, не расстраивается нормальная работа ни одного органа тела, нет физических болей. Шаманская болезнь также не является ни сумасшествием, ни «кратковременным расстройством психики», как это иногда описывают. Если сказать совсем просто, то суть шаманской болезни состоит в следующем: человека разбирают на кусочки, на молекулы, на атомы, на эфирные частицы, а затем собирают заново. И получившееся в результате сборки существо уже кардинальным образом отличается от того, что было «до».

Кто разбирает? Ну, а какая разница? Хотите, я вам скажу, что человек сам себя разбирает?.. Будет это истиной? Разумеется, нет. Но вот кто разбирает на атомы вас? Вы, разумеется, знаете тот простой факт, что человеческое тело полностью обновляется в среднем один раз за семь лет. Вы постоянно теряете кусочки кожного покрова, клетки ваших внутренних органов отмирают, а на их месте рождаются новые. Через семь лет вас уже нет: есть ваш клон, собранный точно по тому же проектному чертежу. Ну, или почти по тому же: с чуть более обвислой задницей и с новыми морщинами на лице.

Столь же неуклонно и постепенно изменяется и ваша психика, и содержимое вашего мышления. В двадцать лет вашей главной доминантой является спаривание, и ваше стремление удачно и продуктивно спариться определяет почти всё, что вы думаете, говорите или делаете. В сорок лет на её место приходит другая доминанта, которую кратко можно охарактеризовать как сожаление по поводу утраты предыдущей, и одновременно как надежду отыметь теперь если не кого-нибудь из окружающих, то хотя бы жизнь в целом, а заодно и свой стремительно нарастающий возраст. В шестьдесят ваша психика и мышление состоит из хрупкого баланса между гордым ощущением, что вы наконец-то всё поняли, и липким страхом, что вы так и не поняли ничего. В восемьдесят главной доминантой становится интерес, удастся ли самостоятельно нагнуться за тапками, или придётся звать внука. Потом вы умираете.

Но все эти изменения, как телесные, так и душевные, как внешние, так и внутренние, как легко заметить, занимают существенное время, то есть всю жизнь.

А вот шаманская болезнь – это процесс, при котором возрастные изменения в вашем мышлении и психике спрессованы во времени до предельно возможных пределов. Это как если бы вам в течение пяти минут показали сериал из пяти сезонов. Результатом, как правило, становится то, что человек, внешне выглядящий на тридцать или на сорок, получает внутренний мир, подлинный возраст которого мне уста-

новить сложно. Нет, внутри шаману не восемьдесят, и даже не сто: иначе, как в моём примере, он просто стал бы человеком, полдня пытающимся надеть тапки. Такой результат в психике тоже возможен, но он достигается посредством форсированной алкогольной деградации, а не посредством шаманской болезни. А шаману гораздо больше внутренних лет, нежели сто, и взгляд его на мир становится соответствующим.

Многим интересно, что субъективно чувствует шаман во время шаманской болезни. В смысле, не больно ли ему: пусть не физически, но душевно?

Как вам сказать... Больно – это когда вам в ладонь вколачивают гвоздь. То есть когда в пространство вашей плоти входит острый металлический стержень, разрушающий небольшую часть этой плоти. Душевную боль можно иллюстрировать так же: это когда в некое условное пространство вашей души входит некий условный стержень, пронзая её насквозь и нарушая её целостность.

В любой из этих ситуаций оставшееся целым пространство существенно больше по площади, чем то, что нарушено, правда? И образовавшаяся в ладони дырка куда меньше, чем площадь всей остальной, уцелевшей ладони...

А вот что сказать о ситуации, когда в ладонь одновременно вколачивается ящик гвоздей? То есть когда площадь разрушающего объекта раз эдак в пять-десять больше площади разрушаемого?..

«Гвоздь в ладонь» больно именно потому, что вся остальная ладонь цела, за исключением того места, в которую вколочен гвоздь. «Гвоздь в душу» больно по этой же причине: эту болезненную дырку есть, с чем сравнить, её можно сравнить с оставшимся, с уцелевшим и нетронутым.

Но при вколачивании что в ладонь, что в душу, сразу ящичка гвоздей ранее существовавшее пространство, в которое он вколочен, утрачивается целиком.

То есть сравнивать более не с чем.

И болеть, в общем-то, тоже как бы более нечему. Знаете детский стишок? «Если в сыре много дыр, значит, вкусным будет сыр. Если в нём одна дыра, значит, вкусным был вчера...» Одна сплошная дыра в сыре – это отсутствие сыра. Так же и тут.

Как я и сказал, шаманская болезнь приводит к достижению внутреннего возраста, который вряд ли можно определить конкретной цифрой. В математике есть такое забавное число «алеф», которое определяется как наименьшее бесконечное число. Если вам показалось, что вы поняли определение, повторяю: *наименьшее бесконечное*. То есть оно, конечно, бесконечное, но кроме него есть и другие, которые все *больше него*. Скажем, геометрически алеф-0 можно понимать как совокупность всех точек на прямой, алеф-1 как совокупность всех точек на плоскости, алеф-2 как совокупность всех точек трёхмерного пространства, ну и так далее. На что похоже, ну хотя бы, алеф-4, я предлагаю вам предста-

вить самостоятельно.

Так вот, шаманская психика и мышление – это своеобразное число «алеф», это наименьшее бесконечное. То есть максимальный объём опыта и знаний, способный поместиться в рамках отдельно взятой психики и мышления. Или, если точнее, *способный быть воспроизведённым* в рамках отдельной психики и мышления: а то вы ещё, чего доброго, подумаете, что у шамана на самом деле внутри что-то есть, что-то «помещается».

А у него внутри вообще ничего нет.

И вот это, признаюсь, самое странное, и где-то даже лично для шамана неприятное.

Почти каждый человек с гордостью способен предъявить вам набор собственных мнений, убеждений, прозрений. Он с удовольствием скажет «Я знаю, что...» или «Я считаю, что...». Он охарактеризует вам свою так называемую личность со всех её семи радужных сторон, и этот причудливый гейский зонтик надёжно защищает его от дуновений любых мировых ветров и любого дождя из окружающей среды.

А у шамана этого зонтика нет. У него нет мнений, убеждений, установок, политических позиций и идеологических воззрений. Вселенские сквозняки пронизывают его насквозь, а дождик хлещет сквозь его протекшую крышу прямо на земляной пол, не встречая на своём пути вообще никаких препятствий.

Поэтому у обычного человека при общении с шаманом и

появляется столь странное ощущение: что в лице этого довольно безликого человека – с бубном или без, в звериных шкурах или одетого в лён и хлопок, – с ним общается и разговаривает что-то другое.

Не чужое «Я». А, как минимум, какое-то крайне вместительное «Мы». В котором даже личность собеседника шамана, вот это самое его радужное великолепие, тоже каким-то непонятным образом присутствует.

Я же говорю: наименьшее бесконечное.

Но для самого шамана, повторяю, субъективно это переживается не всегда хорошо, особенно поначалу. Потом, конечно, мы привыкаем. Но первое время это для тебя выглядит, как если бы тебе предложили произнести речь в микрофон, и ты уже даже открыл рот, а тебе в последний момент сунули написанный кем-то заготовленный текст. И ты с горечью осознал, что говорить придётся не то, что ты хочешь, а то, что от тебя требуется. А ещё через секунду понял, что это не ты будешь говорить эту речь в микрофон, а что микрофон – это ты и есть.

От клинического сумасшествия это отличается, на самом деле, только одним: твоей способностью всё это осознавать и возможностью это контролировать, в том числе в любой момент прекратить. То есть, если хочешь, можешь выкинуть этот подсунутый кем-то листок, и начать нести отсебятину.

Но в том-то всё и дело, что ты не хочешь.

В общем, по поводу шаманской болезни я вам, как мог,

объяснил. Кто сможет, пусть объяснит лучше. Переживаем мы её один раз за жизнь, и этот один раз – субъективно очень неприятен. Вот лучше бы правда болели, честное слово. А так... Если вы в состоянии представить себе, как себя чувствует пазл из 51 300 элементов, после того, как его разобрали и свалили в коробку, то вот это оно и есть. И это единственный раз за жизнь, когда мы это состояние контролировать не можем. А потом, когда шаманская болезнь проходит, уже можем – как будто оно, это состояние, всегда с нами было, и как будто так и должно быть.

Прежде чем снова заговорить о Викторе Алябьеве, скажу ещё пару слов о своём имени. Вы можете спросить, что означает имя Эрегорд Харальд Агер. Это не одно имя, а сразу три: первое, личное, даёт нам наставник при посвящении, второе – тайное, для общения с духами. Поэтому второе имя у меня не «Харальд»: это я только вам так говорю, а настоящее моё второе имя знают только духи. А третье имя – обштинное, для людей, под которым тебя все знают. Так что можете называть меня Агер.

Если же вам интересно, что означает каждое из этих слов в отдельности, то я вам так скажу: а что означает ваше собственное имя? То, что имели в виду родители, когда вас так называли? То, что вы читаете в интернете по поводу своего имени? Вероятно, одно из этих двух. Я вообще пока не встречал людей, которые способны были бы дать *своё собственное* толкование своему имени. Ну, представьте: вы го-

ворите «Меня зовут Маша, и под этим своим именем я имею в виду вот что...»

Так же и мы, шаманы. Что там вкладывал наставник в моё первое имя при посвящении, я не знаю: и уже не узнаю, поскольку старик давно умер. Что имеют в виду духи, когда называют меня моим вторым именем, я тем более не догадываюсь. А уж что вы имеете в виду, обращаясь ко мне «Агер», это уж, само собою, вам решать.

Но вернёмся к Вите Алябьеву.

Да, и забыл сказать вам одну крайне важную вещь. Важно помнить, что...

Глава 8. Дегустация уксуса

– Почему мне кажется, будто я уже очень давно вас знаю?

– Потому что вы мне нравитесь, и мне ничего от вас не надо.

А ещё потому, что мы понимаем друг друга.

(Рэй Брэдбери. «451° по Фаренгейту»)

Как ни удивительно, но по мере того, как они отходили от харчевни, небо рассеивалось, и прохладный ветер утихал. В окружающем мире понемногу пропадало ощущение тревоги, которое столь явственно проявляется перед грозой: словно бы чья-то невидимая рука плавно повернула некий регулятор, возвращающий окрестный пейзаж в состояние покоя и безмятежности. Витя топал рядом с Сидом, стараясь делать то же самое, что и всё своё время пребывания здесь: то есть не делать ничего, включая «не думать», и предоставлять событиям происходить в той последовательности, в какой им заблагорассудится.

Дорога внезапно резко нырнула под уклон, и перед ними открылся вид на просторную зелёную долину.

Примерно в километре впереди виднелось странное сооружение, напоминающее амфитеатр, с белыми колоннами и кольцевыми трибунами. Возле него колыхалась весьма при-

личная людская толпа, по-видимому, постепенно проникая внутрь.

– Нам туда, – сказал Сид, указывая рукой вперёд, – Ты теперь пойдёшь повеселее, да? Можешь идти, только когда цель указана и видна? Дорога ради самой дороги – не для тебя?

Он явно старался быть неотразимо остроумным.

– Не зубоскальничай, – попросил Витя, – Устал я от тебя. Слова в простоте сказать не можешь.

Сид состроил довольную гримасу. Они начали спускаться с холма, оставляя за собой клубы просёлочной пыли.

– Вот так и появился дзен-буддизм, – сказал Сид, – Человек устал цепляться за смысл произносимых слов. И начал потихоньку постигать и мир, и другого человека, не через слова, а напрямую. А чтобы такое произошло, произносимых слов должно быть очень-очень много, и они должны постоянно опровергать друг друга. Это и есть дзен-буддизм: парадоксальная бессмысленность или бессмысленная парадоксальность. Сам по себе никакой ценности не имеет. Но как побочное средство к пробуждению – бесценен.

– Можно подумать, ты его изобрёл, – буркнул Витя.

– Изобрёл-то я, – сказал Сид, – Просто не я запатентовал... Разговаривал вот так же, как с тобой, с учениками. Они сперва честно пытались понять. А потом у них перемыкало, вследствие чего самые продвинутые осознавали бессмысленность слов вообще. Да. Сначала придумали «коан».

Знаешь, что это?

– Более-менее. Это загадка без разгадки. Ну, например: если положить яйцо в бутылку и кормить вылупившегося гусёнка, пока он не вырастет, то как потом вытащить гуся из бутылки, не разбив бутылку?

– Ну и как?

– Хлопнуть в ладоши и сказать: смотри, гусь-то снаружи!

Сид удовлетворённо кивнул.

– Ну да, – сказал он, – То есть перестать создавать проблему, вместо того, чтобы ломать голову, как её решить... Ну, а потом всё это коановое мышление превратилось в «дзен-буддизм». Кто-то из учеников так назвал... Я же говорю: вы обожаете на всё навешивать ярлыки.

– Там, откуда я прибыл, сейчас главный коан – это где взять денег, – сказал Витя, – Или другой: как жить без денег? И та и другая загадка не имеют разгадки. А если их совместить в одну, то получается суперкоан: где взять денег, если без них не прожить, и как без них прожить, если их негде взять?

– Делаешь успехи. Ну, и?... Надо хлопнуть в ладоши и что сказать?

– Сказать: смотри, денег-то и нету!

Сид остановился и внимательно взглянул на Витю. Витя смотрел на него с залихватским выражением остряка, ожидающего реакции на выданную шутку. Однако Сид выглядел совершенно серьёзным. Потом он повернулся, пошёл, и Ви-

тя послушно потопал вслед за ним.

– Ты вот по этому поводу остришь, – сказал Сид, – Что совершенно естественно для поколения людей, в мышлении которого деньги сродни воздуху. Кислороду. Кровеносной системе. Действительно: как вам жить в отсутствие воздуха? В ситуации остановки вашего кровотока?

– Деньги – кровь экономики, – процитировал Витя, – Не помню, кто это сказал.

– Вот-вот, – подхватил Сид, – Ещё и экономика у вас. То есть система отношений между людьми в условиях тотального дефицита ресурсов. Короче, как нам всем жить, если постоянно чего-то не хватает? Ты на эту тему вот с ним поговори, – он кивнул вперёд в сторону приближающегося амфитеатра, – Эти вопросы по его части. Он тебе лучше меня растолкует и про деньги, и про экономику, и про организм с кровью и воздухом. Объяснит, какая такая раковая опухоль жрёт с этого организма столько, что всем прочим клеткам уже не хватает ни воздуха, ни крови...

– С ним? Это с кем? – переспросил Витя, – Ты мне, может, уже объяснишь, куда мы идём? Это что там за место? А то ведь придём скоро... Глянь, какая толпа: очередь придётся занимать.

– Не придётся, – ответил Сид, – Я там, так сказать, выступаю. И ты пройдёшь: типа, со мной.

– Выступаешь? Да ну! А чего делать будешь? Танцевать? Хотя нет, ты же не Шива... Петь? Фокусы показывать? Нет,

понял: байки травить! Или номер по ментализму какой-нибудь: давайте я сделаю так, что вы сейчас все подумаете о белой обезьяне...

– Нет, – сказал Сид, – Уксус пробовать.

Пару минут мы прошли в полном молчании. На лице Сида было довольное выражение малыша, который задал маме остроумную, на его взгляд, загадку, и наслаждается её искренними потугами. На моём, по-видимому, присутствовала гримаса лёгкой досады: я совершенно точно слышал уже раньше этот звон, я понимал, что слова «пробовать уксус» должны мне что-то говорить именно в связи с его персоной, вот только не помнил, что именно.

Ладно, подумал я, всё равно сейчас придём, там и увидим. Вот ведь довольная рожа... Надо его ещё кое-что спросить, пока не забыл.

– Слушай, – сказал я, – Ты вот говорил о страдании... Человек вышел из роскошного дворца, в котором прожил без проблем половину жизни, и увидел людей в болезни, нищете и смерти. И осознал, что жизнь суть страдание. Так?

– Ну да.

– То есть получается, что не надо просто выходить из дворца? Там-то внутри ведь страдания нету? Отгородился каменным забором от всего этого чернозёма, как твой папа, и радуйся жизни... Где страдание-то? Только у тех, за забором. А если мне их, допустим, не жалко?

Некоторое время он шёл молча.

– Ты не понял, – ответил он наконец, – Стрaдание не по какую-то сторону забора. Стрaдание – это сам забор.

Теперь на время замолчал я. Потом, вспомнив весь свой опыт общения с ним и наш недавний разговор, искренне решил перестать скрипеть мозгами по поводу всего, что он говорит, и просто требовать объяснений из первых уст.

– Не понял.

– Видишь ли... Когда я вышел за ограду дворца, я осознал не только то, что люди за оградой страдают. Я осознал и другое, в не меньшей степени: что я страдаю. Все мы, те, кто внутри дворцовой ограды, страдаем так же, как и те, кто снаружи. Сама ограда и есть страдание. Тут просто орлянка, просто подброшенная вверх монетка, что пробудился именно тот, кто вышел из дворца наружу, а не тот, кто вошёл снаружи во дворец. Как ты понимаешь, выйти наружу на три порядка проще, чем войти...

Но если бы вдруг кто-то снаружи пробрался во дворец, то есть преодолел ту же ограду, но в обратном направлении... Понимаешь, посмотрев на маминых компаньенок с осоловелыми от гашиша глазами, или на папиных министров, вечно потных в ожидании того, что выгонят или предъявят по полной программе, он бы тоже решил, что мы там все страдаем. Причём очень жёстко. По сравнению с его повседневным житием с миской риса и глотком свежего воздуха ему эта картинка показалась бы бездной. Причём в прямом смысле: ямой без дна. И пробудился бы уже он: тоже бы сказал, что

жизнь есть страдание, и Буддой потомки называли бы его...

– Вот ты переживал бы...

– Сама ограда и есть страдание, – продолжал он, покосившись на меня, – Как только возникает забор, который делит людей на два сорта – на тех, которые по эту, и которые по ту, на тех, кому можно и кому нельзя, на имеющих и не имеющих – возникает страдание. Сама возникшая дуальность – «мы» и «они» – порождает страдание. Причём и у тех, и у других.

Сид снова помолчал. Мы подходили уже совсем близко к причудливому сооружению, так что стал слышен рокот осаждающей его толпы.

– И самое интересное, – подытожил Сид, – Совершенно не имеет значения, кто именно строит ограду. Ты думаешь, её строят изнутри дворца? Отгораживаясь от этого, как ты сказал, чернозёма?

– Логично было бы...

– В том-то и дело, что её строят обе стороны. Те, которые снаружи, помогают. Я бы даже сказал, проявляют двойное усердие.

– Они-то почему?

– Потому же, что и те, кто внутри. Из страха. Те, кто внутри дворца, они ведь в глубине своей понимают, что жизнь нельзя приватизировать, нельзя присвоить право жить только себе, а прочим оставить право выживать. Поэтому в своих попытках это право присвоить и строят забор: страшно. А те,

кто остаётся снаружи, пугаются того, чтобы просто сказать «А чего это тут вы, ребята, нагородили? А ну-ка убирайте, пока не огребли...» Им даже от мысли такое произнести уже страшно. А обоим – и тем, и другим, – ещё страшнее от того, что ведь если забора не будет, то у всех появится свобода и ответственность. И за самих себя, и за тех ребят... И друг с другом придётся сосуществовать, жить и совместно отвечать за всё. И утратится возможность валить друг на друга вину за собственное страдание. Понимаешь?

– Понимаю, чего же нет, – ответил Витя, – Я ведь из России. У нас сто лет назад снесли этот дворцовый забор... Усилиями тех, кто снаружи. И не сказать, что плохо стало... Действительно, ушло страдание, лет на семьдесят. Трудности, преодоление, терпение, конфликты, жестокость, одним словом, боль – осталось. А вот страдание – да, ушло. Вместе с забором. Я где-то слышал, что страдание хуже боли, потому что страдание – это боль по поводу боли. Боль – это когда тебе тяжело. А страдание – это когда ты понимаешь, что тяжело конкретно и навсегда...

– Да, такова природа страдания, – кивнул Сид, – Ваша гражданская война в России, которая шла десять лет после сноса забора в 1917 году – это боль. А та, которая шла пятьсот лет до его сноса – это и было страдание. Но ты заметь: большинство людей, живших внутри дворцовой ограды – ну те, которые «вальсы Шуберта и хруст французской булки» – они ведь оказались способны жить совместно с ребятами

снаружи? И жили потом, и строили, и вместе воевали?

Витя начал думать, что о политических и исторических трендах Сид осведомлён гораздо лучше, чем показал Вите при первом знакомстве, когда с напускным непониманием интересовался у Вити особенностями взаимоотношений России и Америки. Даже и в эстрадной попсе подкован...

– Ну да, – сказал Витя, – Брусилов, Карбышев, Рокоссовский... Да миллионы имён.

– А это означает, – Сид поднял палец, – Что ломали этот забор изнутри с не меньшим желанием, нежели его ломали снаружи, раз потом так решительно бросились друг другу в объятия... Что доказывает, что страданием он был и для тех, и для других... Но мы пришли.

В самом деле, прямо перед ними уже возникла плотная стена из спин, которые медленно, но настойчиво двигались в сторону главного входа в амфитеатр. Спутник подмигнул Вите, приглашая следовать за собой, а потом юркнул куда-то в сторону, огибая толпу, и спустя минуту они оказались возле неприметного бокового входа, прикрытого от посторонних глаз тенью невысоких акаций.

Или не акаций. Утверждать здесь было нельзя ничего.

Возле входа стояли два крепких человека в странноватых накидках белого цвета, несколько напомнивших мне римские тоги. При виде Сида они почтительно наклонили головы и слегка отступили в сторону. Они вошли.

Почти сразу Витю накрыл полумрак и прохлада, свой-

ственная только каменным помещениям. По-видимому, сооружение было построено из мрамора: впрочем, после яркого дневного света Витины глаза видели только спину спутника, который уверенно пробирался узким коридором вглубь амфитеатра. Через десяток шагов Витя снова услышал нарастающий гул толпы, на этот раз доносившийся, очевидно, из зала. Когда перед ними образовался яркий прямоугольник прохода, ведущего в зал, Сид повернулся:

– Тебе туда, – показал он, – повернёшь сразу направо и поднимешься в ложу.

– У меня ложа?

– У тебя ложа, – шевельнул он уголками губ, – Ты же у меня в гостях. А мне на сцену.

– Слушай, – Витя ухватил его за рукав, – Дай-ка мне спойлер... Я тут голову ломал, что такое «пробовать укус». Слова помню, и понимаю, что ты должен в этом участвовать. Но что это будет? И для чего это мне? И вообще мы где?

Он снисходительно вздохнул.

– «Пробующие укус» – это важная философская притча, – сказал он, – Можно сказать, центральная в определении всего моего мировоззрения. И не только моего. Короче, сейчас увидишь. Мы с товарищами её периодически здесь представляем на сцене. Ну, знаешь, это такой регулярный ритуал: нечто вроде торжественной смены караула возле Вечного огня... Мы делаем, люди смотрят. И у всех возникает совместное понимание важных вещей и осмысление ценностей. И

на идею работает. Идею, знаешь ли, надо периодически подкреплять действием, чтобы жила и развивалась. Даже здесь, в Акаше. Слышал поговорку «Любовь подобна костру: во время палку не кинешь – потухнет»?

Он подмигнул. Ничего себе, подумал Витя, он ещё и пошляк. Но кивнул.

– Вот, – заключил Сид, – В общем, регулярная сценарная постановка важной философской идеи.

– А почему здесь? Что это за место вообще?

– Ну, это такое место, которое специально только для этого существует. И существует, только пока мы тут это делаем.

– А кто все эти люди?

– Ну как кто? Зрители. Читатели. Вот открыл человек у вас там книжку. Или статейку «пробующие укус» читает в Интернете. Значит, на нашем уровне он тут, в этой толпе.

– А что за огонь, возле которого смена караула?

– Я же говорю: Вечный. Ну всё, мне пора.

С этими словами от вытащил у Вити из ладони свой рукав и, торжественно кивнув, нырнул куда-то в боковой коридор.

Постояв немного, Витя повернулся, вошёл в проход, за которым на него снова обрушился ослепительный солнечный свет и многоголосый шум толпы, поднялся на несколько ступеней вправо. Как и было обещано, там Витю ждала уютная одноместная ложа, возле которой дежурил крепыш в тоге, как две капли воды напоминавший парочку снизу. Агенты Смиты, подумал Витя. Даже поклонился Вите и отступил он

в сторону тем же вышколенным движением.

Витя устроился в ложе.

Почти тут же, словно бы только его одного и ожидали, раздался громовой удар оркестра. Прозвучала торжественная прелюдия, фанфары, в ходе которых Витя оглядывал зал, пытаясь найти в публике нечто необычное. Необычным было разве что одеяние: все, без исключения, были одеты в ярко-жёлтые накидки с капюшонами, делающими толпу похожей на инкубаторный конвейер. В остальном ничего необычного Витя не заметил: люди были обоих полов, разных рас и возрастов.

Отзвучала музыка, и на сцене медленно появилась высокая полногрудая брюнетка в белом плаще до пола, со смуглым лицом, густо украшенным тенями и румянами, более напоминающими не косметические ухищрения, а клоунский грим.

Она выждала гроссмейстерскую паузу, вытянув шею в сторону притихшего зала и полуприкрыв глаза, а затем грудным голосом, выразительно пробирающимся снизу вверх, громко и нараспев произнесла только два слова:

– Пробующие укус!

Зал взревел. Брюнетка с кошачьей грацией отступила спиной вглубь сцены, а на передний план два агента Смита в белых тогах стремительно выкатили огромный чан, нечто вроде золотого котла: по крайней мере, сиял он похожим драгоценным тяжёлым блеском. Прошло ещё несколько секунд, и

сцена опустела.

Под тягучий напев скрипки из бокового выхода на сцене неторопливо появился человек, которого зал встретил сдержанным, но явно одобрительным гулом, примерно как зрители спортивного соревнования приветствуют выходящего на ринг атлета. Он был в годах, но ещё могуч: высокого роста, седой старик-азиат с идеальной осанкой и бородой до пояса, одетый в расшитый причудливыми узорами и явно дорогой халат, подпоясанный узким шнуром. Медленно ступая, словно подгадывая шаги в такт мелодии, глядя строго перед собой, он прошёл в центр сцены и остановился возле чана.

К первой скрипке присоединилась вторая, и на противоположной стороне сцены появилась вторая фигура. С первым выступающим его объединял только возраст и раса: это тоже был азиат с седой бородкой, но невысокий, сухой, порывистый в движениях, одетый не в дорогой халат, а в простой, столь неуловимого оттенка, что смотреть хотелось не на халат, а на лицо его обладателя. На этом лице, скуластом и хитроватом, с раздувающимися ноздрями, было выражение кошки, которой для демонстрации своей профпригодности сейчас предстоит напоказ поймать мышь. Он легкими шагами, почти вприпрыжку, преодолел расстояние до чана и остановился с противоположной его стороны. Публика встречала его столь же приветливо.

Грянула новая скрипка, и с третьей стороны сцены появился Витин новый знакомый. Под очередную одобритель-

ную голосовую волну Сид своей царской походкой приблизился к чану, приветливо кивнул двум компаньонам с обеих сторон, и даже помахал рукою в зал, что вызвало дополнительную порцию радостного гула. Принц, чего там. У Вити появилось ощущение, что свободной рукой Сид пытался нашарить корзину с монетами, чтобы швырнуть в зал полную горсть, как проделывал во времена организованных папой показательных выездов в город. Но не нашёл. Позёр.

Зазвучали новые аккорды, торжественные и величественные, в продолжении которых золотой чан медленно наклонился в сторону зрительного зала (по-видимому, он приводился в движение механизмом конструкции, на которой его выкатили на сцену), так что стало видно переливающееся внутри его содержимое: прозрачная, как вода, жидкость. Очевидно, подумал Витя, уксус.

Музыка оборвалась на самой пронзительной ноте. В наступившей тишине Сид шагнул вперёд, медленно протянул руку и опустил палец в чан. Затем он так же неторопливо засунул палец в рот, облизал, вытащил, и на его лице отобразилось выражение такой неисцелимой скорби и горечи, какой Витя не видел от своего меланхоличного ослика Иа за всё время их знакомства: резервы его страдания, оказывается, были куда мощнее, чем Витя предполагал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.